

Николай Добролюбов

**Народное дело.
Распространение обществ
трезвости**

Николай Александрович Добролюбов

Народное дело. Распространение обществ трезвости

Распространение обществ трезвости, бойкот крестьянами, городскими низами откупной системы и более активные формы борьбы Добролюбов справедливо расценил как широкое социальное народное движение. По свидетельству историка, Добролюбов «собрал большой материал о трезвенном движении, изучив все, что было тогда опубликовано по этому вопросу в газетах и журналах. Мастерски обходя цензуру, Добролюбов разоблачил махинации откупщиков и нарисовал яркую картину безотрадной жизни крестьянина...»

Содержание

#1	0005
Примечания	0114

**Николай Александрович
Добролюбов
Народное дело
*Распространение обществ
трезвости***

Много раз приходилось нам слышать от людей, искренно желающих народного блага, выражение сожаления о том, что народ наш живет так разрозненно, так мало проникнут сознанием общих интересов. Не менее горькие сетования слышатся часто и о том, что масса простого народа отделена у нас китайскою стеною от образованных классов общества и вследствие того почти не может пользоваться благодетельными указаниями науки и литературы. И в самом деле, как много представляется пессимистами фактов и соображений, которые приводят к чрезвычайно мрачным заключениям о быте и характере народных масс и заставляют почти отчаяться в возможности их успехов на поприще нравственных и общественных интересов.

«Народонаселение наше, – говорят пессимисты, – раскинуто по бесконечной равнине и во всей Европейской России едва составляет 500 человек на квадратную милю, то есть в восемь и в десять раз меньше населенности всей остальной Европы. Средства сообщения между обитателями разных концов этого 4000-верстного протяжения чрезвычайно

неудобны и затруднительны, а потребности и обычаи их слишком разнообразны. Суровый климат и неблагоприятная почва большей половины этого пространства требуют изнурительных и долгих трудов для того, чтобы человек мог безбедно удовлетворить всем своим естественным потребностям. А между тем труд и богатство распределены с гораздо большим неравенством, нежели в какой бы то ни было другой стране. Почти весь производительный труд приходится на долю простонародья, почти все выгоды его достаются образованным классам. На обязанности земледельца лежит не только забота о своем собственном прокормлении, но и содержание, — да не просто содержание, а богатое, роскошное содержание, — других классов общества. Когда тут думать ему о высших потребностях собственной природы, когда хлопотать о средствах для улучшения своего собственного быта? Да если и успеет и захочет простолюдин позаботиться о своем нравственном и материальном усовершенствовании, то как он за это возьмется, если только он не мошенник, а честный человек? Вокруг него, перед ним и за

ним, вверху и внизу – везде затруднения и препятствия. Промышленность развита у нас мало, да и то составляет большею частью монополию капиталистов, у которых бедному простолыдину можно быть только батраком и поденщиком; денежный курс все меняется к невыгоде бедняка: дороговизна увеличивается год от году, вместе с роскошью тех классов, которые безотчетно бросают направо и налево не ими нажитые деньги. Куда ни поиди бедняк, что ни задумай приобрести себе, – ни к чему приступу нет, и на всем он должен потерпеть страшный изъян. На какие же средства будет он улучшать свое нравственное и материальное положение? Откуда возьмет он досуг для приобретения образования? Откуда возьмется у него вкус к участию в общественных интересах? Он не знает, как ему справиться и с своими домашними нуждами, как удовлетворить физически-настоятельным потребностям. А тут говорят: общее дело! Да как же до него добратся, если бы кто и захотел? Когда и каким образом астраханский промышленник, казак из Ставрополя, горнозаводский работник из Перми, рыболов из Ко-

лы – сойдутся хоть бы в Петербурге, в котором централизована вся государственная жизнь наша и который от каждого из этих людей отстоит с лишком на 2000 верст? А если и сойдутся, то как они станут рассуждать с людьми образованными и учеными? У них ведь нет никакой подготовки к занятию общественными интересами, да и быть не может при настоящем порядке вещей. Образованность составляет у нас такую же монополию, как и промышленность; и как наши фабрики заняты чуть не исключительно изготовлением предметов роскоши, так и наша литература хлопочет более всего об удовлетворении праздного воображения и казуистической любознательности. Нас занимают вопросы о вавилонской письменности{1}, о слоге С. Т. Аксакова, о законах и терминах органической критики{2}, о неизбежности идеализма в материализме{3}, о психологической неверности характера Калиновича{4} и т. п. Мы нарочно создаем для себя задачи и ломаем над ними голову, воображая, что их решение чрезвычайно важно. Например: «Какую физиономию нужно соорудить при виде почтен-

ного человека, бегающего что есть силы по палубе парохода для того, чтобы скорее пристать к берегу?» Или: «Как найти средства вознаградить детей вора за украденные покойным отцом их вещи, когда вещам этим находится настоящий хозяин?» Подобные задачи занимают нас целые годы. Но что до них за дело народной массе? Ей нужны другие предметы, другой метод их разработки, другая логика... А этого-то и не дают ей произведения нашего образованного ума, направленные для нашего услаждения, а отнюдь не для блага народного. Поневоле и по необходимости остается простолюдин в темноте своей, и поневоле бредет он ощупью за другими, сам не зная, куда и зачем ведут его. И – что всего ужаснее – никакого исхода из этого печального положения нельзя предвидеть. Всеми средствами образованности, всеми преимуществами новейших открытий и изобретений владеют неработающие классы общества, которым нет никакой выгоды передавать оружие против себя тем, чьим трудом они до сих пор пользовались даром. Следовательно, без участия особенных, необыкновенных обсто-

ательств нечего и ждать благотворного распространения образования и здоровых тенденций в массе народа. Пройдут века, и все будет по-старому: по вековой рутине, новые успехи цивилизации будут только помогать тунеядным монополистам в эксплуатации рабочих людей; и, по той же рутине, рабочие будут обращаться за советом и судом к своим эксплуататорам. А что из этого выйдет, угадать нетрудно: нужно только посмотреть вокруг себя. И теперь – что встречает простолюдин, когда нужда заставит его войти в соотношение с образованностью? Тут с него берет взятку грамотный писарь, тут его обсчитывает ученый хозяин, здесь обмеривает землемер, там у него на перепутье стоят разные немецкие промышленники и всякие иноземные изобретатели, там висят над ним бюджеты, кредиты, конвенции, мобилизации и другие изобретения новейшей государственной цивилизации, беспрестанно отзываются на его спине и кармане... И куда он ни обратится – все говорит ему о бесконечном, безысходном продолжении той же истории. В школе его учат «не рассуждать, а исполнять»;^{5} в

деле сердца и высших стремлений он слышит беспрестанно суеверные аллегории от разных мистификаторов; в юридических отношениях он натывается всюду или на помещичью власть, или на окружного и станового, в частных, житейских делах он встречается – кулака, конокрада, знахаря, солдата на постое, купца-барышника, подрядчика... Наконец – на каждом перекрестке в городе, на каждой сходке в селе, на каждой станции в дороге встречается он целовальника и откупщика и, полный горького отчаяния, предается им телом и душой, с семьей, с именьишком, даже часто с будущим трудом своим, за который еще только задаток получен...»

Так говорят пессимисты и, на основании своих мрачных соображений, отрицают возможность какого бы то ни было общего, самостоятельного движения в народе. Мнения их неутешительны и, главное, обидны для образованных людей, к которым мы с вами, читатель, конечно, и себя причисляем. Из этого ясно следует, что мы с пессимистами никак не должны соглашаться, а, напротив, должны восстать на них с чрезвычайно мрачным ви-

дом. Но воздержим на минуту наше негодование и попробуем потолковать с пессимистами кротко и разумно: может быть, нам удастся заставить их взглянуть на дело несколько с другой точки. Чтобы не слишком далеко расходитья, мы готовы даже принять на время, что все факты, выставляемые пессимистами, совершенно верны и что все их основания справедливы. Положим, что народ наш действительно страдает разьединенностью; положим, что он слишком обременен физическими трудами, отбивающими у него охоту помышлять об общих интересах; положим, что самые успехи цивилизации нередко обращаются у нас в средства к более искусной эксплуатации народа. Но, даже принимая все эти факты, мы надеемся, при помощи некоторых дополнительных соображений, прийти не к отчаянию в жизненных силах народа, не к убеждению в бесконечности его апатии и неспособности к общественным делам, а к выводам совершенно противоположным. Вот какие соображения желали бы мы представить пессимистам.

Нет такой вещи, которую бы можно было

гнуть и тянуть бесконечно: дойдя до известного предела, она непременно изломится или оборвется. Так точно нет на свете человека и нет общества, которого нельзя было бы вывести из терпения. Вечной апатии нельзя предположить в существе живущем; за летаргиею должна следовать или смерть, или пробуждение к деятельной жизни. Следовательно, ежели правда, что наш народ совершенно равнодушен к общественным делам, то из этого вытекает вопрос: нужно ли считать это признаком близкой смерти нации или нужно ждать скорого пробуждения? Пессимисты готовы, пожалуй, осудить на медленную смерть целое племя славянское; но, по нашему глубокому убеждению, – они крайне несправедливы. Их обманывает временная летаргия, и они не хотят видеть признаков жизненности, по временам обнаруживающихся в нашем народе. А между тем существование этих признаков не только подтверждается внимательными наблюдениями, но даже оправдывается некоторыми соображениями а priori[1]. Говоря о народе, у нас сожалеют обыкновенно о том, что к нему почти не проникают лучи просвеще-

ния и что он поэтому не имеет средств возвысить себя нравственно, сознать права личности, приготовить себя к гражданской деятельности и пр. Сожаления эти очень благородны и даже основательны; но они вовсе не дают нам права махнуть рукой на народные массы и отчаяться в их дальнейшей участи. Не одно скромное ученье, под руководством опытных наставников, но одна литература, всегда более или менее фразистая, ведет народ к нравственному развитию и к самостоятельным улучшениям материального быта. Есть другой путь – путь жизненных фактов, никогда не пропадающих бесследно, но всегда влекущих событие за событием, неизбежно, неотразимо. Факты жизни не пропускают никого мимо; они действуют и на безграмотного крестьянского парня и на отупевшего от фухтелей кантониста, как действуют на студента университета. Холод и голод, отсутствие законных гарантий в жизни, нарушение первых начал справедливости в отношении к личности человека – всегда действуют несравненно возбуждательнее, нежели самые громкие и высокие фразы о правде и чести.

Точно так и наоборот: материальное довольство и полное признание всех нравственных прав человека успокаивает его несравненно более, нежели все глубокомысленные внушения о кротости и благодушном терпении. Поэтому если розовое настроение духа, развивающееся в богатом лежебоке, мы не можем принять за доказательство того, что и для рабочего бедняка очень весело жить на свете, так отсюда вовсе не следует, чтобы и в противном случае нельзя было сделать заключения обратного. Напротив, если богатый и свободный от дел человек жалуется на то, что тяжело жить на свете, то из этого именно можно заключить, что бедному труженику еще тяжелее, хотя он, может быть, и не умеет так красноречиво изобразить свои страдания, по недостатку образованности. Образованность именно ведет к большей или меньшей степени ясности сознания и затем – к умению формулировать то, что сознается.. Но и несформулированное страдание – все-таки страдание. Пусть оно таится, пусть не принимает определенного выражения, это не должно обманывать нас: есть предел, за которым оно

может ярко обозначиться, и тогда без всяких книг, без всяких отвлеченных соображений, не говоря никаких фраз, даже не принимая особого имени для себя, оно проявится на самом деле. Действительный факт, отразившись в практической жизни деятельного, рабочего человека, породит тоже действительный факт, тогда как книжные теории и предположения образованных людей, может быть, так и останутся только теоретическими предположениями.

Пессимисты (а из наших читателей есть кое-кто, склонный к пессимизму в отношении к нам) могут подумать, что мы «далеко метнули»{6} и ушли совсем в сторону от того предмета, о котором обещали говорить в заглавии нашей статейки. Но мы, напротив, все время вертелись в наших соображениях около него и теперь уж вплоть подошли к нему. Пьянство и трезвость, борьба народа с откупом – вот факт, который на этот раз может послужить нам доказательством жизненности народных масс в России. «Уж сколько раз твердили миру»{7}, что русский мужик – пьяница, что он с горя пьет и с радости пьет, пьет

на родинах, на свадьбе и на похоронах, пьет в рабочий день – от усталости, вдвое пьет и в праздник – по случаю отдыха. Люди, по-видимому хорошо знавшие народ, готовы были до слез спорить, что наш мужик скорее с жизнью расстанется, нежели с сивухой, скорее детей уморит с голоду, нежели перестанет обогащать откупщика. И трудно было не верить этим людям: факты так сильно говорили за них. В самом деле, как огромны, как непреодолимы, по-видимому, те побуждения, которые влекут народ к пьянству!.. И слова князя Владимира, что «Руси есть веселие пити»{8}, и вековой обычай, и суровый климат, и недостаточное питание, и тяжкий физический труд, и непрерывная нужда и скорбь, и недостаток образованности, и отсутствие невинных развлечений, доступных народу, – все способствует развитию в мужике склонности к водке... Не говорим уж о приманках, искусственно поставляемых откупщиками и ценовальниками, которые, как известно, отличаются в этом деле редкою изобретательностью... Напомним только, что, кроме средств приманки, возможных для всякого купца,

винные откупщики имеют в своих руках особенную силу, по своим отношениям к местному чиновничеству. Кто жила в провинции, тот сам может припомнить множество фактов, в которых выражалась сила откупщиков. Недавно обнародовано было пять-шесть фактов в этом роде, и мы приведем из них два или три, попавшиеся нам под руку в газетах; по ним можно судить о том, что делается вообще по откупным делам.

В «Московских ведомостях», № 62 (13 марта), напечатан следующий рассказ о действиях откупа и полиции по случаю крестьянского зорка не пить водки:

В С. губернии Б. уезда{9} мужики дали зорк не пить вина, что чрезвычайно смутило откупщика, а в особенности его управляющего. Последний наконец на выдержал и объяснился с исправником. Исправник хотя и действовал постоянно в пользу откупа, но на этот раз не решился помогать непосредственно, а передал все временному отделению, снабдив его необходимыми советами, и временное отделение отправилось. Намеревались во что бы то

ни стало склонить крестьян к путешествию по кабакам. Это было за неделю перед масленицей. Прибыв в имение какого-то графа, «начальство» собрало крестьян и спросило их, почему не пьют вина. При этом был и сам управляющий питейными сборами. «Так, не желаем!» – отвечали крестьяне. «Отчего ж не желаете?» – «Очувствовались, – отвечают снова крестьяне, – это вино один разор хозяйству! шутка сказать – восемь рублей за ведро! сколько нужно возов хлеба, чтобы купить одно ведро, а хлеб у нас дешевый!» – «Притом же, – заметил один крестьянин побойчее, украшенный медалью или каким-то другим знаком отличия, – вино-то больно плохо, хуже нашей хоперской воды!» – «Как плохо?» – воскликнул управляющий, подступив к крестьянину. «Да так, плохо; как бывает плохо, живот только пучит!» – «Как ты смеешь это говорить?» – зашумел управляющий, по известной принятой методе действовать с мужиками таким образом, и с этим словом – бац! Вслед за тем и с физиономией управляющего

случилось то же самое, что угрожало случиться с Чичиковым, когда Ноздрев кликнул Павлушку. Произошло смятение. Носились слухи, что предложены были из кармана откупщика деньги, чтобы все было шито да крыто. Убедили управляющего именем собрать мужиков и выставить им даровую бочку вина, но, к чести мужиков надо сказать, – ни один не дотронулся. Сколько ни хлопотали отделение и управляющий винными сборами, соединенно с управляющим именем, ничего не могли сделать. История распространилась мгновенно по всему Б. уезду, который, не мешая заметить, прославлен в окрестности историями всякого рода. Скоро стали говорить и в других уездах, и дело дошло до нашего, соседнего, а из нашего я сообщаю вам по самым верным источникам.

Значение этого рассказа, конечно, парализуется тем, что губерния и уезд означены только первыми буквами, сам рассказчик подписался маленьким азом, откупщик, поверенный, исправник и члены отделения не названы вовсе, так что желающий может, пожа-

луй, объявить, что считает себя вправе не верить подобным безыменным сообщениям, за справедливость которых никто не ручается. Но кто видал исправников и управляющих откупом, тому подобный рассказ может напомнить действительность и, вероятно, не возбудит в нем слишком сильных сомнений. Впрочем, есть рассказы и более определенные, но крайней мере относительно личных имен. Например, в «Русском дневнике», № 35 (февраля 12), напечатано известие о решении не пить вина, состоявшемся у казенных крестьян села Хотуши, Каширского уезда, Тульской губернии. К известию этому прибавлено следующее:

По получении об этом сведений в ближайших административных инстанциях делопроизводители, охотники до ухи, какую, по замечанию Крылова, тороватые откупщики дают секретарям, нашли в этом проявлении народной самобытности очевидное отступление от правил сельского устава, покушение на собственность казны скопом, личную обиду откупщику и в этом тоне подготовили доклады.

Если и это известие неудовлетворительно, потому что все-таки неизвестно, кто сообщает его, то вот еще свидетельство о силе откупа, свидетельство официальное, относящееся не к маленькой местности, а к целой губернии. Известно, что полиции предписано наблюдать за точным выполнением откупных условий откупщиками. Предписания эти неоднократно подтверждены были в нынешнем году особыми циркулярами. Несмотря на то, действие их было весьма ничтожно, по крайней мере в Самарской губернии, как свидетельствует следующий циркуляр г. начальника губернии, напечатанный в 24 № «Самарских губернских ведомостей»:

Циркулярными предписаниями от 6 апреля, за № 5, и 18 мая, на № 3070, вменено в обязанность городским и земским полициям наблюдать, чтобы продажа откупных напитков производилась только к узаконенное время и чтобы обыкновенное и улучшенное полугарное вино отпускалось покупателям по цене, определенной откупными условиями. Между тем в виду моем есть положительные факты, которые

убеждают меня, что оба сии предписания исполняются весьма неудовлетворительно и что полиции смотрят вообще на распоряжения начальства, касающиеся посредственно или непосредственно откупщиков, как на одну лишь форму, не требующую действительного исполнения. *Вследствие сего я считаю нужным вновь подтвердить городским и земским полициям о точном исполнении вышеозначенных циркуляров, за №№ 5 и 3070, и предваряю, что если бы я опять получил сведение об оставлений оных без внимания, то, невзирая на мое отсутствие из губернии, виновные будут подвергнуты строгому взысканию. Причем не могу не заметить, что все предписания начальства имеют по закону равную обязательную силу для подведомственных лиц и мест, не исключая и предписаний, касающихся откупа.*

Итак, это не фраза, что откуп составляет государство в государство, что он поставляет себя вне законов: не только сами откупщики, но и те, кому следует наблюдать за ними, «смотрят на распоряжения, касающиеся отку-

па, как на одну лишь форму, не требующую действительного исполнения»!

Мало этого: откуп полагает, что полиция существует именно затем, чтобы защищать его незаконные действия и чтобы преследовать и карать всех, кто вздумает им противиться. В этом отношении любопытно письмо г. Розанова, помещенное в № 135 «Московских ведомостей» (июня 9):

М. г., 31 мая я остановился проездом в Иосифо-Волоколамском монастыре и случайно попал на бывающую там ежегодно в троицын день большую ярмарку. После обедни я был свидетелем одного из новых подвигов откупщиков и спешу поделиться с публикой описанием этого происшествия.

Недавно, по предписанию г. министра, крестьянам был прочитан публично циркуляр, по которому было подтверждено, что они имеют право требовать во всех кабаках простого полугару надлежащей крепости по три рубля серебром за ведро. Крестьяне, приехавшие на ярмарку, стали требовать такого полугару; им продавали, но в незапечатанной посуде. Заметив, что про-

даваемое таким образом вино имело все свойства воды с примесью чего-то тошнотворного, крестьяне стали требовать, чтобы им отпустили несколько склянок этого так называемого полугару в посуде за печатью винной конторы, чтобы, как они говорили, отправить это вино по дорожке в Белокаменную для исследования там высшим начальством, такого ли качества вино должно быть продаваемо за эту цену. Поверенные отказали им в этом требовании и продавали запечатанными только специальные водки по семь рублей серебром за ведро, уверяя, что дешевое вино им некогда печатать. После этого отказа между крестьянами начался ропот; поверенные хотели было доказать свою справедливость силою, но в ответ им упало несколько камней, перебивших немного посуды и слегка задевших одного сидельца. Прибывшей на место земской полиции удалось скоро успокоить народ, связав нескольких крестьян, шумевших более других. Впрочем, г. управляющий откупом нашел, что безопаснее, забрав все вырученные

деньги, закрыть выставку и уехать. Около того же времени было и в других кабаках того же уезда несколько манифестаций против уж очень дурного качества трехрублевого вина. Надеюсь, м. г., что вы не откажете поместить в газете, издаваемой вами, описание одного из выражений, конечно, незаконного, но вызванного беззаконным же поступком откупа, отношения нашего народа к откупам. Примите... и пр.
Ник. Розанов.
1859 года, 3 июня

И этого мало: откупщики находят средство скрыть от крестьян постановления правительства относительно откупа и, выведши мужиков из терпения, стараются представить их требования в виде бунта, свои же собственные поступки умеют очень ловко скрыть при посредстве подручных людей. Вот, например, рассказ, из которого видно, что к некоторым местностям крестьяне даже и не знают наверное о министерских предписаниях относительно указной цены вина. Рассказ этот нашли мы в письме г. Гржеголевско-

го, которое напечатано в 150 № «Московских ведомостей» (26 июня).

Недавно разгласилось везде и будто объявлено на сходках официально, что во всех кабаках должно продаваться вино по 15 коп. за одну двадцатую часть ведра. Крестьяне, столь претерпевшие, бросились толпами в кабаки требовать по этой цене вина, но им не отпустили. В это время, вероятно, явились подстрекатели, может быть и для смелости купили им и вина, и толпа хлынула в кабаки с новыми требованиями; но, получив опять отрицательный ответ, начала бить посуду и, придя в исступление, нарушила всякое благочиние. Все это, как говорят, происходило в Пензенской губернии и в Спасском уезде Тамбовской губернии; прибавляют, будто один из исправников, руководимый душевными чувствами, описывая одно подобное происшествие начальнику губернии, изложил подробно и причину его, но не успел он донесение это переписать и подписать, как явились представители и откупные чины с ходатайствами; исправник отменил свое донесение. Да и

кто может устоять и кто устоял против откупного ходатайства?

По всем этим происшествиям, как носят слухи, отправилась производить исследование временные отделения земской полиции и жандармские штаб-офицеры. Я не оправдываю самовольных поступков крестьян, но должен и обязан сказать несколько слов в защиту несчастных по чувству ближнего и еще потому, что здесь страдает человек, который, по своим понятиям, не знает, как себя защитить, что говорить в оправдание себя перед следователем и что ему предпринять. Если справедливо, что произошли эти буйства, то что тому причиною, как не возвышение цен и недостаток наблюдения за этим? Мужик желал законного, требования его не исполнили, никто его в этом не поддержал и никто не защитил, и он прибегнул к незаконным средствам. Конечно, он виновен, но нельзя оправдать и другой стороны ни по закону, ни по совести. Одна сторона может подвергнуться наказанию, а откупщики и исполнители закона остаться без наказания, даже

неприкосновенными к делу.

Надеемся, что помещики и окружные по государственным имуществам употребят все средства, чтобы судьба несчастного мужика, насколько это можно, была облегчена в этом деле и чтобы виновники были подвергнуты законному взысканию. Вступитесь за ближнего, и всевышний вознаградит вас!

Иг. Гржеголевский.

11 июня 1859 года. Темников

Если вам мало и этих образчиков откупных действий, то припомните, что откуп имеет свою кордонную стражу и в пограничных местах может доехать мужиков одними осмотрами да подозрениями в корчемстве. Эта отрасль откупной администрации доведена во многих местах до восхитительной виртуозности. Вот, например, анекдоты, сообщенные из Харьковской губернии в 51 № «Русского дневника» (7 марта):

Предводитель ватаги кордонщиков, дюжий, трехаршинный детина Москальцев, из желания доказать факти-

чески, что он не даром хлеб ест и берет жалованье, придумал следующую, открытую впоследствии сделку: в мешок, наполненный овсом, вложил он большую склянку корчемной водки и бросил его поодаль от кордона, на проселочной дороге. Был в ближайшем городе Ч * базарный день, и утром много мужичков уже стали проезжать по этой дороге в город. И вот первому, ехавшему с грузом нескольких мешков ржи, попался на глаза валяющийся мешок. Мужик, перекрестившись, поднял, развязал его и, увидавши, что в нем был овес, положил на воз и ехал себе дальше по дороге, полагая, что найденный им мешок потерял кто-нибудь из проехавших прежде. Вот он уж приблизился к кордону. Стража не дремлет, она очень знает, что подброшенная водка поднята. Тут мужичка остановили и начали его клажу усердно притворно обыскивать. Все мешки были освидетельствованы; остался еще один, и в нем, к ужасу мужика, находят корчемную водку. Мужик отговаривается, доказывает свою правоту, плачет – нет пощады: скоро его, свя-

занного, уложили между мешков и представили на суд полиции. Дело кончилось тем, что мужик потерял все, что вез в город для продажи, и, кроме того, большую часть из своего ограниченногo имущества.

Этот же самый М. прославил себя и в другой подобной операции; но счастье на этот раз ему не помогло: сделка была случайно открыта. Богатый помещик в селе Мал, собирався к свадьбе сына своего и в кругу родственников, приятелей-друзей провожал в веселье предсвадебный вечер. Сосед его, бедняк, пользуясь отсутствием всякой наблюдательности в гуляющем, решился пойти ночью на его гумно и там набрать мешок молоченого зерна, ссыпанного в известном ему месте. Вот уж этот ворюшка принялся за работу. Робость, обыкновенно овладевающая человеком в подобных случаях, не бросала его: каждый шорох, каждый порыв ветра приводил его в трепет и делал готовым к побегу. Вдруг слышится невдалеке людской говор, который становится слышное все более и более. Вор принужден был опро-

метью бежать и спрятаться в недалекой стоящей клуне, за дверь. Разговаривающие уже на этом гумне. Их несколько человек остановилось около одного хлебного скирда. Один из них что-то держал в руках и начал вести трактацию такого рода: «Ну, братцы, зароем этот бочонок в скирде, а завтра в обед, давши знать расправе, придем его трусить, надуем, будет десятому поколению о нас заказывать; да смотрите, братцы, осторожнее. Сначала все обыщем в доме, а тогда уже сюда двинем; да и здесь сейчас не бросаться к этой скирде, а тогда, как несколько поищем». Действующие скрылись. Мужик, спрятавшийся в клуне, выслушав такие речи, догадался, в чем дело, прибежал к беспечному своему соседу, открыл и свой поступок и сообщил слышанный им заговор против его благосостояния. Не замедлили убедиться в действительности сказанного: бочонок водки, по указанию, был отыскан. На следующий день хозяин с гостями, решил найденную водку выпить, а обыщиков, если придут, ни под каким видом не пускать, разве со-

гласятыя заплаціць 500 рублёў, калі
водка не будзе знайдзена. У полдзень,
точно, явяляюцца гэты саглядатаі; но
мужык-хазяін і ўсе яго госці едзіно-
душно гавораць: «Не дамося ні за што,
хіба заплаціце нам 500 рублёў, як не
знайдзеце водкі, знайдзеце, мы вам за-
плацімо». Дольга раз'ездчыкі ўсільва-
ліся прыступіць да дэлу; но нет! – на-
стойчыўсць хазяіна і госцяў была
непобедіма. Гавяны прадводітель
раз'ездчыкоў, М., зная наўверное аб ўспе-
хе, скоро сагласіўся на ўмовы, прад-
лажаныя хазяіном. Дзеньгі, як с той,
так і с другой староны, адданы былі
нарочна ізбраным для гэтага пасред-
нікам. Затым раз'ездчыкі бросіліся
іскаць сваю добычу. У доме ўсе фор-
мальна прывелі ў хаос і нічога не на-
шлі. Прасяць поіскаць і на гумне. Не
получыў адказа, ўстреміліся сюда.
Усе скірды хлеба былі обысканы,
остался ешчэ адін – надзежа. Обысківа-
юць і тот: о ужас! – здысь тожэ нічога
не было. Дольга оні ў горесті копаліся
здысь і наконец прынуждзены былі аб'я-
віць, што обыск іх неўдачай, што
ўсловленыя дзеньгі хазяін імае по-

лучить. Открывший этот заговор мужик был награжден хлебом и деньгами. Заговорщик же М., по доказу как этого мужика, так и других, отдан под суд. Чем он кончился, еще покуда не знаем.

И едва ли узнаем, чем кончится это дело! С откупными служителями трудно тягаться!..

Недавно также сообщены были в «Могилевских ведомостях» и оттуда перепечатаны во всех газетах (см., например, «Московские ведомости», № 148, 24 июня) факты откупных осмотров, из которых оказывается, что экипаж и вещи проезжих тыкают железными щупами, ломают, бросают, самих проезжих оскорбляют всячески... Редактор «Могилевских губернских ведомостей», г. Соколов, рассказывает, каким образом, в проезд его с семейством из Мстиславля в Могилев, кордонный осмотр, подле Чаусской заставы, перепугал больного ребенка, который вслед за тем и умер. Рассказ г. Соколова довольно сентиментален, и его нельзя прочесть без улыбки; но факт тем не менее возмутителен. Впрочем, надо заметить, что обращение откупных до-

смотрщиков с проезжающими ничего еще не значит в сравнении с тем, что делают с крестьянами. Из многих примеров мы приведем один, рассказанный в «Московских ведомостях» № 34 (8 февраля) и потом уже нарисованный в карикатуре в одном московском журнале. Приводим все письмо, имеющее заглавием: «Новые придирки откупа».

М. г., в последних числах декабря прошлого (1858) года мне случилось быть в одном имении Нижегородской губернии, находящемся на границах Ардамовского уезда Симбирской губернии. В этом уезде старый откуп, вследствие несогласия с новым, долженствовавшим занять его место с 1 января, решился залить своего преемника и пустил в распродажу вино по 3 руб., по 2 руб. 30 коп. и под конец по 2 руб. за ведро. Для ограждения смежных частей Нижегородской губернии от соблазна дешевой водки нижегородский откуп выставил с своей стороны кордон. Кордон этот гонялся, ловил, хватал встречных и поперечных. Пойманные с контрабандой подвергались более или менее произвольным взыскани-

ям, в основании которых преимущественно лежала денежная сделка (один известный мне крестьянин, попавшийся с 1/2 ведром вина, отпущен был за 30 руб.). Там, где подобная сделка по каким-либо причинам не могла состояться, употреблялись наказания довольно оригинальные. Так, например, село К. было свидетелем такого зрелища: едут сани поверенного на рысях пары лошадей, за санями рысью же бежит на веревке мужик (вероятно, злостный контрабандист), на плечах у мужика сидит, как в чехарде, сам поверенный. Такое примерное наказание придумано было, должно полагать, с целью устрашения и для спасительного примера.

Этого мало. К крайнему своему удивлению, все жители околотка Ардатовского уезда, расположенного поблизости кабака с Розоватого (Симбирской же губернии) были схватываемы кордоном в одном месте пути под предлогом завоза вина в чужую губернию. Как так? – спросите вы. Очень просто: известно, что зимние проселочные дороги наши прокладываются самими

фантастическими зигзагами – где покажется не так снежно первому проезжему, тут по его следу и образуется дорога. Один-то из этих зигзагов и задел, вовсе не подозревая всех грустных последствий такого дерзкого вторжения, клочок нижегородской земли, и понятно, что на этом клочке вся Сибирская губерния могла попасть под обвинение в контрабандном провозе вина.

Не найдете ли вы, м. г., любопытным и поучительным сообщить эти факты во всеобщее сведение?

Примите... и пр.

Один из ваших подписчиков.

Из этих немногих примеров, едва ли составляющих миллионную долю того, что делается и пропадает без огласки, можно составить себе приблизительное понятие хотя о некоторой степени того могущества, которым вооружен откуп против крестьянина. Но и это еще не все. Теперешнее положение крестьянских дел чрезвычайно благоприятствует, по-видимому, процветанию откупов. С одной стороны, крестьяне, ожидая свободы, на-

деются на многие небылицы, как, например, на то, что цена на вино повышена затем, чтобы по целковому с ведра шло на их выкуп. Это именно случилось в Сердобском уезде Саратовской губернии («Московские ведомости», № 1). А в другом месте откуп заплатил за крестьян 85 целковых недоимки, чтобы только склонить их к покупке вина («Русский вестник», № 4). С другой же стороны, помещики теперь в некоторых местах менее заботятся о благосостоянии и нравственности своих крестьян, следуя некоторым своекорыстным расчетам. Об одном из помещиков вот что рассказано в «Русском дневнике» (№ 124, 13 июня):

Кажется, что господа откупщики сильно рассчитывали на распространение пьянства в народе по случаю уничтожения крепостного состояния. Оправдались ли надежды их, основанные на знании сердца человеческого, покажут последствия. Хотя, судя по некоторым сведениям, эти водочные сердцеведцы не совсем удачно разгадали русского крестьянина, но зато, как бы в вознаграждение за неполную уда-

чу с одной стороны, они, кажется, приобрели сочувствие за неполную удачу со стороны некоторых помещиков. Расскажу по этому случаю один факт, в истине которого да не усомнятся – по крайней мере те, которые в последнюю зиму имели случай проезжать по дороге от Нижнего до Казани. Хотя помещичье село, про которое я хочу рассказать, занимает одну лишь ничтожную точку на показанном мною пространстве, но я нарочно выбрал протяжение побольше, чтобы никого не оскорбить; а во-вторых, очень может быть, что на таком пространстве проезжие заметят не единственное фактическое доказательство сочувствия некоторых помещиков к откупщикам... В этом не определенном с географическою точностию селе внезапно появился в феврале нынешнего года кабак, которого никогда там не бывало. В этом селе не только не было никогда кабака, но помещик, как я и прежде слышался, строжайшим образом преследовал даже тех, которые на дому имели водку в количестве более того, сколько можно ее выпить за-

раз, не переводя духу, почему, говорят, крестьяне этого села приучились выпивать зараз, не переводя духу, громадное количество. Одним словом, помещик был такой человек, который не мог никогда хладнокровно видеть, когда другие бывали пьяны. Проезжая по большой дороге нынешней зимой мимо описываемого селения, я до крайности удивился, увидев на самой дороге кабак. Любопытство мое так было велико, что заставило несколько исследовать причины такой несообразности. Причины оказались следующие. Когда повсюду распространилась утешительная весть об освобождении крестьян, тогда та немногочисленная партия помещиков, которую и туземцы даже называют раскольниками, сильно опечалилась этим известием; скоро печаль уступила место гневу; а так как, собственно, гневаться-то было не на кого, то они и переложили гнев свой на крестьян, которые хотя и неумышленно, но все-таки выskalзывают из-под их власти. Случилось, следовательно, и здесь то же самое, что обыкновенно случается при переложе-

нии податей, которые окончательно всегда падают на земледельца. Помещик, о котором идет речь, – человек раздражительного темперамента; он более суток не мог находиться в грустном настроении духа; у него всякое чувство быстро превращалось в гнев. В этот-то благоприятный момент предстал пред него, как бес пред грешником, поверенный по откупам с предложением двухсот рублей за одно только дозволение построить в его селе кабак. Хитер враг рода человеческого, а в этом случае и он промахнулся: момент был избран так удачно, что помещик и за пять рублей дал бы свое позволение. «Стройте хоть десять кабаков, – сказал он, припрятывая деньги. – Крестьяне теперь все равно что не мои: пусть пропьют последнюю рубашку, пусть обопьются хоть до смерти – мне какое дело! Они не мои – и мне на них наплевать!» На основании этой чисто раскольничьей логики откупщик построил в селе его хотя и не десять кабаков, как говорилось сгоряча, а всего один, – впрочем, такой величины, что и за десять послужит. Экс-

перты по кабацкой части рассказывали, что дело у откупщика идет отлично. Крестьяне праздновали открытие кабака с необыкновенным торжеством, подобно тому, как празднуют открытие памятника какого-нибудь великого человека. Крестьяне смотрят на кабак как на верный признак приближающейся свободы. Зацвели, вероятно, от радости лица и носы у подданных приверженца трезвости; но краснота бы еще ничего: худо то, что не одна уже тысяча рублей перешла из холщовых карманов мужичков в шелковые карманы откупщика. Помещик, некстати погорячившись, не успел размыслить даже о том, что чем беднее будут его крестьяне, тем труднее собрать с них выкуп, следовательно, тем беднее будет и сам он. Не мешало бы ему хотя на время считать крестьян своими людьми; а там, после выкупа, бросил бы их на съеденье: авось бы они сумели тогда справиться с возвращенными телам их душами без отеческой заботливости помещика.

Итак, по всем соображениям, пьянство должно бы процветать и распространяться в

народе... Все влекло его к вину, а он и без того до вина охотник... Самая дороговизна, казалось, не должна была устрашить крестьянина: «Лучше не доесть, не одеться, подати не заплатить, – только бы выпить», – так ведь рассуждает пьяница. А что русский народ пьяница – в этом убеждены были столь же крепко, как и в том, что он терпелив и податлив на все. На этом-то основании откупщики и наддали сорок миллионов на торгах; по этим-то соображениям они и решились в последний откупной термин вытянуть последнюю копейку, высосать последние капли крови из мужика... И вот – с прошлого года – литература начала ополчаться против откупов, откупщики стали возвышать цену на вино, разбавленное более, нежели когда-нибудь, начальство стало подтверждать и напоминать указную цену, откупщики изобрели специальную водку, народ стал требовать вина по указной цене, целовальники давали ему отравленную воду, народ шумел, полиция связывала и укрощала шумящих, литература писала обо всем этом безыменные статейки... Словом – все шло как следует: откупщики были до-

вольны, полиция довольна, литераторы тоже довольны, что могут пользоваться безыменной гласностью, – народ... но кто же заботился о народе? Разве только один г. Кокорев, хлопотавший о том, чтобы народ ваш «встретил праздник тысячелетия России доброю чаркою водки»...{10} Так и тут на первом плане все-таки была водка же, а не народ... Казалось, что самое понятие о народе нельзя у нас отделить от представления водки и пьянства. Сколько ни издавали назидательных книжек вроде «Берегись первой чарки» или «Сорок лет пьяной жизни» и т. п., сколько ни принимали полицейских мер, – ничто не помогало... Не далее как в прошлом году читали мы в одном журнале:

Меры к прекращению пьянства плохо исполняются сельскою полицею, потому что лица, составляющие сельское начальство, сами подвержены этому пороку; а затем действительное пособие в этой болезни народа может оказать духовенство и правительство: первое – влиянием на нравственность, второе – изменением откупных условий («Отечественные записки», 1858,

Но откупные условия до сих пор те же (если не считать количественного изменения – в сорока миллионах надбавки откупной суммы), духовенство – то же, как я прежде; а между тем в разных концах России одновременно образуются общества трезвости и держатся, несмотря на все противодействия со стороны откупщиков. Какое странное, необъяснимое явление для тех, кто привык отчаиваться в русском народе и все явления его жизни приписывать единственно требованиям и велениям внешних сил, чуждых народу!.. Многие не хотели верить, когда в журналах и газетах было объявлено, что ковенские крестьяне отказались пить водку. Трудно пересказать, до каких тонких соображений доходили люди, не желавшие верить распространению трезвости. Их рассуждения очень сильно напоминали остроумие и сообразительность жителей того города, в котором Чичиков покупал мертвые души и собирался увезти губернаторскую дочку... Вот, например, одно из таких соображений, высказанное *печатно* г. Герсевановым («Северная пчела», № 32). По его

мнению, слух о трезвости есть не что иное, как штуки откупа, придумавшего этот слух, собственно, на том основании, что для него очень тяжелою оказалась наддача сорока миллионов на последних торгах.

Этот неожиданный обет (трезвости), не предвиденный кондициями откупа, – говорит г. Герсеванов, – направлен будто бы прямо на карманы откупщиков; против него грешно действовать, но из него можно извлечь огромную пользу, – и вот распущен слух, что обет не пить водки, данный, вероятно, небольшим числом крестьян, распространился на всю губернию, что дает полное право (?!) просить и надеяться (!) сбавки, которая может спасти от банкротства и, во всяком случае, есть чистый выигрыш для откупщиков.

Вот до каких удивительных результатов доходили иные господа: слух о трезвости, видите ли, – распущен откупщиками с тою целью, чтобы вытребовать от правительства сбавку откупной суммы!.. Скорее этакая нелепость могла поместиться в головах некоторых людей, нежели мысль о том, что народ

способен отказаться от водки!..

Впрочем, в литовских губерниях находили одно обстоятельство, которое могло объяснить решимость крестьян: это – религиозный фанатизм. Все дело приписано было проповеди ксендзов, и даже на них прежде всего хотели действовать те, кому не поправилось решение крестьян – не пить... И действительно – общества трезвости в западных губерниях имели характер религиозный... В конце прошлого года (месяца через три после первого зорка, данного в Ковенской губернии, в августе) вышла в Вильне книжка «О братстве трезвости», из которой видно, что братство трезвости есть действительно религиозный институт, находящийся под покровительством папы. Вот некоторые сведения об этом братстве, сообщенные, по виленской брошюре, «Экономическим указателем» (1859 год, № 2, января 10):

Братство трезвости установлено папою Пием IX, под покровительством св. богородицы.

Епископ Самогитский есть первый представитель братства трезвости

во всей Самогитской епархии. Всякий священник, принадлежащий к этому братству, есть представитель его в своем приходе. Он избирает себе из прихожан несколько благонадежных лиц в помощники.

Всякий приходский священник должен вести книгу для внесения имен и фамилий лиц, вступающих в это братство. Заглавие следующее: «Книга воздержным братьям и сестрам». Настоятель прихода или другой какой-нибудь священник, причислившись к этому братству, может принимать в оное и других лиц ежедневно, а и особенности в дни торжественные и праздничные. Каждое лицо, в день вступления в братство, обязано исповедоваться и причащаться св. тайн. При принятии новозачислившихся в это братство священник в священном облачении ведет новопоступающих членов в церковь, пред алтарь св. богородицы, где они на коленях должны повторять каждое слово обета, произнесенного священником.

Обязанности членов братства трезвости: 1) Всякий, зачислившийся в это

братство, во всю жизнь свою не должен употреблять; водки, рому и араку и всего того, что из них может быть приготовлено. 2) Употребление спиртуозных напитков допускается только в малом количестве, по назначению лекаря, в случае болезни. 3) Каждое лицо братства может употреблять только виноградное вино, пиво и мед, и то не до опьянения. 4) Все члены обязаны увещевать других лиц и склонять их ко вступлению в это братство. 5) Члены должны в каждый праздничный день читать особую молитву. 6) Все члены сего братства в день сретения господня обязаны возобновить обет, данный ими при вступлении в братство. 7) Второе число февраля, в день поминовения усопших, священник обязан говорить собранным членам увещательную речь и отслужить панихиду за упокой души умерших членов. 8) Если кто из членов этого братства станет употреблять водку, то такого члена приходский священник обязан, если слова его не подействуют, исключить вовсе из братства; все же члены обязаны пренебрегать им и не прини-

мать его в свое общество. Лицо, таким образом исключенное из братства, однако должно исполнять данный богу обет.

Членам братства трезвости дается притом отпущение грехов, совершенное или несовершенное.

Известия о распространении трезвости в литовских губерниях подтверждали, что главными двигателями народного дела явились там католические ксендзы. О Ковенской и Виленской губернии писали в начале февраля, что здесь все делалось одною проповедью ксендзов, без всяких принудительных мер («Русский дневник», № 35, 13 февраля). Вследствие этого в «Русском дневнике», в начале мая (№ 96), была помещена похвала местному начальству, которое *«не препятствует проповеди священников, строго наказав не употреблять принудительных мер и не задерживать распространения воздержания от крепких напитков»*. Особенно хвалить за такое *«просвещенное великодушие»*, конечно, и не было надобности: нелепо было бы, если б было поступлено иначе... Но сначала многие опасались

лись, как бы не было преследований от начальства за трезвость: до такой степени здравый смысл затемнен был мыслью о силе откупа!.. Да, правду сказать, были, с другой стороны, и такие господа, которые полагали подобное преследование необходимым! В свое время мы сообщили «Письмо купеческого сына Бадейкина» («Свисток», № 1), в котором переданы были рассуждения этих ревнителей порядка{11}. Основанием их мнений было то же пренебрежение к народу, которое заставляло многих не верить справедливости известий о трезвости. То же самое пренебрежение к нравственной силе народа заставило многих приписать все дело ксендзам, когда факт оказался несомненным и прочным. В бывшей газете «Slowo»{12} вот что писали, например, из Жмуди:

В первых числах октября и наш простой народ, убеждаемый пастырем нашего прихода с кафедры, начал и сам поговаривать об отречении, и действительно – довольно было одного слова религии: семя нравственного исправления, им зароненное, возшло в сердцах

народа, и польза его стала возрастать очевидно. Входя в церковь, народ никак не мог предвидеть, насколько лучшим и исправленным он выйдет из нее... и пр.

То же писали из Виленской и Гродненской губернии в других номерах «Słowa». И, судя по рассказам, действительно духовенство имело здесь огромное влияние на решимость крестьян отказаться от употребления крепких напитков. Вот, например, рассказ, сообщенный из Вильно в «Указателе политико-экономическом» (№ 10, 1859 года, марта 14):

В воскресенье, 1 марта, во всех римско-католических костелах в Вильне произнесены были проповеди о воздержании, с целью распространения братства воздержания или трезвости. Объяснены были правила братства и порядок вступления в оное и представлены гибельные следствия пьянства. В кафедральном соборе св. Станислава говорил тамошний викарий, ксендз Тукальский; в костеле св. Иоанна – местный вице-настоятель, ксендз Гундиус. Оба эти достойные па-

теры произвели самое глубокое и трогательное впечатление, и благородные их усилия, а равно и многих других благочестивых священников, уже увенчались полным успехом, ибо в тот же день в кафедральном соборе и Остробрамском костле св. Терезии уже начали вступать в братство. В кафедральном соборе первые подали пример члены виленского капитула, за ними многие помещики и чиновники и тысячи народа. Записывались до девяти часов вечера. Сегодня во множестве вступают в братство и в других костелах и исполняют условия трезвости на тех же самых основаниях, как и в Ковенской губернии. Говорят, много шинков будет закрыто: по крайней мере это верно касательно тех, которые помещаются в домах, находящихся в заведовании духовенства, и которые совершенно уничтожены. Так точно, кажется, поступает католическое духовенство и во всей виленской епархии, заключающей в себе, кроме Виленской, и губернию Гродненскую.

Радуюсь усилиям духовенства и опять-таки оставляя в стороне народ, на который его вну-

шения действовали, многие уверяли сначала, что факт отречения от водки только и мог возникнуть на почве католического фанатизма и должен ограничиться западными губерниями... Не хотели обратить внимания на то, что столь общее и внезапное движение не могло быть следствием одного красноречия, а должно было иметь причину в самой жизни... Не хотели видеть и того, что опыты отречения от водки начались во многих местах еще прежде, чем проповедь ксендзов получила столь торжественное сочувствие и организовалась повсеместно во что-то систематическое. Тот же корреспондент, который рассказывает об успехе виленской проповеди, сообщает в том же письме следующее:

Еще прежде некоторые здешние цехи, в особенности сапожный и столярный, сделали между собою добровольное условие следить друг за другом и всеми мерами отвращать пьянство. Они решили, между прочим, что всякий нарушивший обет в первый и во второй раз должен уплатить денежный штраф, а в третий раз лишается звания; так, например, мастер поступа-

ет в подмастерье, подмастерье в ученики, а ученики на известное время совсем удаляются из цеха.

Уж и из подобных известий можно бы видеть, что народное движение в пользу трезвости происходило, или могло происходить, и независимо от ксендзов. Но для неверующих нужны были доказательства более очевидные. Народ не замедлил представить их, по своему обыкновению – не на словах, а на деле.

Из газетных известий оказалось, что в то самое время, когда общество трезвости образовалось в Ковенской губернии, то же самое начиналось в Сердобском уезде Саратовской губернии, на расстоянии с лишком полуторы тысячи верст от Ковно. Но там дело не пошло в ход: откуп на первый раз обманул и соблазнил крестьян уверением, что излишек цены, платимой ими за вино, идет на выкуп их от помещиков (что, как известно, действительно предлагалось было г. Кокоревым){13}. Однако же на этом дело не остановилось: факт немилосердного возвышения цен и понижения качества вина, вместе с общим увеличением до-

роговизны на все предметы, не был местным явлением, а тяготел равно над всею Россией). Факт этот был уже слишком тяжел и незаконен, чтобы не вызвать себе противодействия, и действительно вызвал его... В половине января узнали мы о зароке не пить вина, сделанном в Зарайском уезде Рязанской губернии («Указатель политико-экономический», № 3). В то же время получено известие из Нижнего – о том, как там крестьяне праздновали крещение. Приведем об этом несколько строк из «Русского дневника» (№ 20):

На крещенском торгу нынешнего года приезжих из окрестных селений крестьян было, как уверяют, до 10 000 человек; но откупщики, всегда рассчитывавшие на этот день, как на день благостыни, на этот раз горько обманулись. Бывало, в эти дни к вечеру весь народ более или менее навеселе; теперь не то: трезвые приехали на торг, трезвые и уехали восвояси. Сходят в питейный дом, приценятся к водке, да видя, что сильно вздорожала, тотчас и домой. И все тихо, спокойно, без шума. Говорят, что откупщики терпят

большой убыток. Народ это знает, и в деревнях и на базарах так толкует: «Так не будем же пить, – дадим зарок; пускай их откупщики да целовальники сами выпьют все вино, а мы не хотим, не станем». То же явление повторяется и по другим местам Нижегородской губернии и в соседних. Надо ожидать, что это заставит откупщиков понизить цены на вино. Слухи, расходящиеся по народу, о том, что там перестали пить, в другом месте перестали пить, – приветствуются с живою радостью и поддерживают решимость и бодрость юных зародышей обществ трезвости.

В этом известии очень ясно рисуется весь ход дела: мужики вовсе и не думают постничать – идут, по обыкновению, в питейный, но останавливаются тем, что вино очень дорого... И прежде оно им недешево обходилось, но все еще было сносно; теперь последняя капля перелила через край, невтерпеж стало... Мужикам бы приятней было заставить откупщика понизить цену, – как они и пытались в некоторых местах, узнав, что и началь-

ство того же хочет.[2] Но тягаться с откупом трудно; мужик знает это и решается на самую крайнюю форму протеста, какая только осталась в его воле, – не покупать вина... Тут присоединяется и давно затаенная злоба к откупу, и сознание тех неприятностей и бед, какие, может быть, не раз пришлось испытать от кабака, и решение все крепнет. Слух о том, что и другие так делают, еще более убеждает мужика, что его намерение очень естественно и законно... И вот, даже без торжественного уговора, без составления общества, народ во многих местах отказывается от вина... Жалобы откупщиков на недобор слышались даже и в таких местностях, где вовсе не было обществ трезвости: Безмолвная, фактическая протестация против откупа обнаружилась почти повсеместно тотчас после Нового года, когда установилась новая цена водки (в некоторых местах еще и ранее); а общества трезвости стали организоваться в великорусских губерниях уже позже, хотя тоже довольно скоро. В половине января было уже известие о попытке образования общества трезвости в Курской губернии («Указатель политико-эко-

номический», № 2); к концу января напечатано было известие о подписке не пить вина, предпринятой в Саратове; в начале февраля уведомляли об образовании общества в Балашове; в половине февраля писали о зароке, данном крестьянами села Хотуши в Тульской губернии. К концу февраля общества трезвости существовали уже во многих уездах губерний Владимирской, Пензенской, Екатеринославской, Тверской... Тут только самые неверующие убедились в прочной несомненности факта и перестали уверять, что это минутная вспышка, которая ничего не значит. Дело принимало слишком обширные размеры, и уже невозможно стало игнорировать его... Но как же объяснить такое непонятное явление? Ведь невозможно, чтоб народ решился противодействовать откупу просто потому, что почувствовал его тяжесть? Как же объяснить?

В великой России нельзя было указывать на ту причину, которою объяснялось народное движение в литовских губерниях. Никакой систематической проповеди, никакого религиозного института для распространения

трезвости у нас не было. Напротив, при нескольких случаях церковного участия в решимости крестьян не пить, – было несколько случаев и совершенно в другом роде. Например, из Крапивинского уезда Тульской губернии сообщали («Московские ведомости», № 97):

В селе Лапоткове согласились не пить вина под страхом 5 руб. сер. штрафа; одно духовное лицо этого села преступило нечаянно это положение и должно было, уплатить двойной штраф, то есть 10 руб.

За неимением одного объяснения стали приискивать другое, и нашли!.. В западных губерниях, видите ли, ксендзы действуют словесною проповедью, а в Великороссии – так как грамотность и любовь к чтению повсеместно распространены в народе, литература исправляет роль ксендзов... В прошлом году стали писать против откупов, – вот крестьяне-то и вразумились, да и отказались от водки... Совершенно понятное и естественное дело! Нам, впрочем, не пришло бы в голову такое открытие, если бы мы не отыскивали его в

двух весьма ученых и почтенных журналах – в «Отечественных записках» и в «Указателе политико-экономическом». «Отечественные записки» (№ 2, 1859 год) говорят:

Обличительные статьи подкопали авторитет многого, что прежде считалось чем-то непоколебимым, привели общественное мнение к сознанию... и пр. Мало этого: они в некоторых случаях вызвали даже демонстрацию со стороны общества. Возьмите, например, откупа. Откупная система введена не со вчерашнего дня, она существует многие десятки лет, и все и вся (остроумие?!) пили всякую бурду, какую угодно было, по какой угодно цене, давать откупщикам, созидавшим себе на этой бурде великолепные палаты, зимние сады и миллионы. Никому и в голову не приходило делать против таких порядков какие-нибудь фактические протестации. Но вот литература вывела на свежую воду разбавляющих водкою водку откупщиков, указала на весь вред откупной системы, раскрыла хитрости и тонкости, употребляемые сильными (по деньгам) мира сего

для спаивания своих меньших братьев; заговорили о том в обществе, заговорили в простом народе, и этот говор не остался без последствий («Современная хроника», стр. 73).

Замечаете ли, как прекрасно понимают народ «Отечественные записки»? Он, видите, так глуп, что по необразованности своей не знает даже, что он пьет и ест: вкуса не имеет, значит – все по необразованности! Литераторы трудятся над тем, чтобы растолковать мужику, вкусно или нет для него то, что он пьет, – дорого или дешево обходится ему то, что он покупает! Сколько лет бедный мужик пил бурду, по какой угодно цене, и все молчал да пил! А заговорили об откупах в литературе – он сейчас и смекнул, что вино для него и дорого и не пьяно... Зато литераторы и решили, давно уж, впрочем, что русский народ отличается особенной понятливостью и перемчивостью!

Но кто же начал речь об откупах? Кому обязаны бедные мужички познанием добра и зла в откупной водке? Боже Мой! Как же вам не стыдно не знать этого! Вы знаете всех этих

Кальцолляри, Дебассини{14}, – а не знаете нашего известного статистика и экономиста! По крайней мере теперь узнайте и почитите его – за то, что он «первый поднял вопрос о трезвости и был причиною распространения этого отрадного явления в разных областях великого отечества нашего». Так по крайней мере уверяет сам он, знаменитый г. И. В – ский{15}, доктор и статский советник, как расписывался он на «Экономическом указателе». Послушайте, что он говорит:

Мы первые подняли вопрос о трезвости, первые дали гласность замечательному факту, совершающемуся в западных губерниях наших, и полагаем, что отчасти (это отчасти – верно, из скромности?) были причиною распространения этого отрадного нравственного явления и в других областях великого отечества нашего («Указатель политико-экономический» 1859 года, № 22, стр. 495).

Не правда ли, как убедительно это скромное сознание собственных заслуг! Итак, г. Вернадский сделал в Великороссии то, что в

Литве произвела проповедь ксендзов; г. Вернадский – наш Чаннинг{16} и патер Мэтью! {17} Преклонитесь пред г. Вернадским все вы, не читающие его «Указателя», не подвергающиеся изумительной силе его логики и вследствие того, может быть, еще до сих пор пьющие водку!

Итак, дело совершенно ясно: мужички наши начитались «Экономического указателя» и вследствие того перестали пить. Если бы знали это откупщики, – то-то бы задали «Указателю»!.. Не будь его, так обществ трезвости и по было бы вовсе или по крайней мере (принимая буквально скромное «отчасти» г. В – ского) были бы в гораздо меньшем количестве... Где же, в самом деле, было догадаться народу, что вино стало хуже и дороже, если бы благодетельная литература не вразумила его!.. Правда, литераторам и во сне не грезилась такая радикальная мера, на какую решился народ; правда, что они никогда не говорили ни одного слова о противодействии откупу со стороны самого народа, а всё возлагали свои надежды на посторонние силы... Но

ведь мало ли о чем вовсе не думали литераторы, мало ли чего они не понимают! Все-таки они люди ученые, а иногда даже и чиновные, – и если в народе что-нибудь делается, так уж это, верно, от них! В противном случае они будут протестовать, и если их не послушают, то они «возвысят свой голос» *против* народа; что тогда будет?

К удивлению нашему, повод к протестации представился «Экономическому указателю» и в деле трезвости, которой причиною он сам был, по крайней мере отчасти. Оказывается, что мужики слишком уж усердно взялись за дело и приняли даже то, чего вовсе не было в видах «Указателя». Они постановили штрафы и наказания тем, кто нарушит обязательство трезвости. Это значит, что они не совсем хорошо поняли тенденции доктора и статского советника И. Вернадского, который, как известно, всякое вмешательство общественной власти в дела граждан считает лично для себя обидою. Чтобы вразумить недוגдливых мужиков, г. Вернадский счел долгом *протестовать* против принудительных мер, употребляемых ими в деле трезвости.

«Нравственное улучшение, – говорит он, – происходит, по нашему мнению, только нравственным путем, и насилие, принуждение в деле трезвости, по нашему мнению, так же мало может истинно исправить народ, как и крепостное право... Восставая против всего насильственно искусственного и грубого и сочувствуя только тому, что истинно нравственно и чуждо всеубивающего страха, мы считаем своею обязанностью возвысить голос свой за добровольные общества трезвости и *против* насильственных мирских приговоров об этом предмете, подкрепляемых розочными ударами. Всякие штрафы запрещены».

«Какой смысл имеет последняя фраза?» – спросите вы. Мы сами не доискались в ней смысла, тем более что она заканчивает статью, – далее ничего уже нет. Кем запрещены, где, когда запрещены, – мы не могли добиться... Но как же г. В. говорит о запрещении и возвышает голос *против*, когда он сам беспрестанно проповедует *laissez faire*? Да, конечно, *laissez faire*, позволяйте делать что угодно, но только знайте, кому дозволить... Народу никак невозможно даровать этого

права... Мы с доктором В. можем друг другу laissez faire; но ежели в народе составится общество, и члены этого общества, приняв на себя какие-нибудь обязанности, согласятся положить штраф или наказание за нарушение этих обязанностей, – то тут уже не laissez pas faire,[3] тут уже «всякие штрафы запрещены». Тут уж мужик с нами советуйся и обращайся с нашими гуманными воззрениями, потому что мы смотрим на предметы не просто, а возвышенно. «Для нас дорог не столько акт отказа от вина, сколько то *нравственное побуждение к самоусовершенствованию, то сознание вреда от вина, которое служило поводом к этому акту*». Так объявляет «Указатель политико-экономический», и как же, в самом деле, не подивиться идеальной чистоте и высоте его воззрений! По его мнению, народ не то чтоб испугался дороговизны, не то чтоб вышел из терпения от дурного качества вина, а просто-напросто проникся «стремлением к самоусовершенствованию и сознанием вреда от вина», – и все это, без всякого сомнения, вследствие изучения статей «Указателя»! Так эти-то высокие нравственные при-

чины и старается сохранить г. В., восставая против принудительных обязательств. Тут уж и *laissez faire* в сторону! Если бы «Указателю» дали власть в руки, то он, без всякого сомнения, сделал бы вот что. Он сочинил бы замысловатый циркулярчик, с красноречивыми фразами и гуманными взглядами, в таком смысле: «Трезвость, дескать, очень похвальна, и препятствовать ей не следует; но личность человека священна, и потому делать какие-нибудь обязательные постановления относительно трезвости не дозволяется; вследствие чего, дескать, и предлагается, кому следует, наблюдать за тем, чтобы распространение трезвости совершалось само собою, а не вследствие обязательных мирских приговоров, стесняющих и насилующих свободную волю человека». Бумажку эту «Указатель» разослал бы по всей России, как недавно рассылал он карту железных дорог, на которой (кстати заметим) Ярославль поставлен чуть не севернее Петербурга. А что сделали бы с этой бумажкой те, кому такое наблюдение принадлежит у нас, — до этого «Указателю», по-видимому, очень мало надобности...

Хоты бы это вело к решительному уничтожению возможности обществ трезвости, – ему что за дело! Для него ведь дорог «не самый акт отказа от вина», а совершенно другие обстоятельства, изобретенные его высоконравственной фантазией.

Но, к несчастью, мужики внимали «Экономическому указателю» только до тех пор, пока у них не было трезвости. А как только трезвость явилась, советы «Указателя» потеряли всякое значение для крестьян. До сих пор газеты беспрестанно сообщают новые мирские приговоры, в которых полагается штраф и телесное наказание (почти везде – 25 ударов) нарушителю общего обета... Мало этого, почти во всех известиях причиною зарока выставляется непомерная дороговизна и дурное качество вина. Сам «Указатель» напечатал (№ 16) известие из Калуги, в котором корреспондент, между прочим, говорит следующее:

На днях случилось мне быть в одной из лучших в Калуге лавок, в которой продаются иностранные вина. Смотрю – входят человек пять крестьян и требуют сантуруинского четвертями вед-

ра и полуведрами. Это обстоятельство меня заинтересовало, и я вступил с крестьянами в разговор. Оказалось, что одни из них приехали из села Локачева, в 55 верстах от Калуги, а другие – из села Карамышева, в 25 верстах. На мой вопрос, почему они покупают сантуринское, а не водку, я получил в ответ, что от употребления хлебного вина, по причине его непомерной дороговизны и недоброкачества, они отказались всем миром и что в случаях свадеб и пр. они покупают сантуринское. Расчет мужичков понятен: от нынешнего хлебного вина пьян не будешь, так же как и от сантуринского; но последнее не имеет по крайней мере вредного влияния на здоровье, а по цене сходнее водки: оно продается у нас в Калуге с небольшим 4 руб. сер. за ведро. Между прочим, я любопытствовал у упомянутых крестьян спросить: долго ли же они не будут употреблять горячих напитков. «Мы сговорились не пить до сентября». – «А после?» – «После, если вино не подешевеет, мы снова порешим не употреблять его». Итак, и в

нашем крае, как и в большей части мест, *где народ решил не пить хлебного вина*, побудительная причина к тому – дороговизна полугара и недоброкачество его.

Так вот каковы «нравственные побуждения к самоусовершенствованию», которые так дороги г. доктору Вернадскому! На них указывает сам «Указатель», указывают и другие газеты. Выше мы привели из «Русского дневника» рассказ о нижегородских мужиках, *приценивавшихся к водке и не купивших ее в крещенье*. Приведем еще замечания одного помещика, г. Фролова, высказанные им в № 153 «Московских ведомостей» (30 июня). Г-н Фролов тоже не одобряет телесных наказаний, полагаемых крестьянами за невоздержание, и передает совершенно основательные убеждения свои на этот счет, высказанные им крестьянам. Но мотивы его чрезвычайно различны от мотивов г. В – ского: г. Фролов просто убежден в ненужности наказаний для успеха самого дела. По его словам, крестьяне его *все очень обрадовались, когда открылась возможность всем отказаться от водки...* Сле-

довательно, тут нечего было и толковать о наказаниях за нарушение залога. Вот что говорит г. Фролов:

И действительно, к чему все эти штрафы? Стоит только хорошенько вникнуть в причину, почему крестьяне с такою радостью целыми селениями отказываются от покупки вина; да это для них единственный способ, чтобы поправиться в денежных обстоятельствах; более тридцати лет я почти постоянно живу в деревне, знаю быт крестьян в совершенстве; в начале моего хозяйства крестьяне мои никогда в деньгах не нуждались; но с постепенным возвышением цены на вино постепенно начали чувствовать недостаток в деньгах и теперь нередко прибегают к моей помощи; причина ясная: в течение тридцати лет доходы их не увеличились, а расходы умножились, в здешних местах цены на коноплю, пеньку, извозы, плотничные работы и другие источники крестьянских доходов почти всё одни и те же; на хлеб же с некоторого времени возвысились, и редкий крестьянин обходится своим хлебом; но глав-

ное для них разорение – вино, не потому, чтобы они были к нему страстны, вовсе нет: людей, которые могут обходиться без него по нескольку недель и даже месяцев, грешно подвергать такому нареканию; но у них, по заведенному истари обычаю, бывает несколько в году случаев, когда каждый из них поставлен в необходимость покупать вино, а именно: к рождеству, святой неделе, к масленой, престольным праздникам, сверх того на свадьбы, крестины и похороны; количество вина покупают они одно и то же теперь, какое покупали, когда оно было вполтину дешевле; сколько ни убеждал я их, чтобы покупали вполтину менее, все было напрасно, у них один ответ: невозможно, не достанет, лучше совсем не покупать, чем не достанет, а этого нельзя сделать без того, чтобы вся деревня не покупала; вот настоящая причина, почему целыми селениями отказываются от вина.

Нет никакой надобности доказывать, что причиною общего движения в пользу трезвости в разных концах России было не внезап-

ное угрызение совести за многолетнее пьянство и даже не «желание встретить в трезвом виде зарю освобождения» (как предполагает г. Кошелев в № 99 «Московских ведомостей»), а просто дороговизна и дурное качество водки. Доказательство этого находим мы не только в известиях разных газетных корреспондентов, но даже и в самых приговорах, подписанных крестьянами. Письменные приговоры эти, впрочем, не должны быть принимаемы за крестьянское произведение: все они написаны, очевидно, рукою какого-нибудь грамотея-писаря или другого молодца, не жалеющего фраз. Тем не менее сущность их (то есть самый зарок, правила общества, меры против нарушителей, а отчасти и причины зарока) выработана прямо крестьянскими обществами вследствие предшествовавших фактов жизни, а никак не навязана им извне. Приведем для примера одно постановление, напечатанное в № 71 «Московских ведомостей». К сожалению, в нем не вполне обозначены имена деревень, составивших это определение. Что делать? Такова уж наша хваленая гласность!..

1859 года, марта 15-го дня, мы ниже-подписавшиеся, избранные от мира старшины, рядовые крестьяне и дворовые села П – ва с деревнями Кр – ною и Пог – вою, быв на мирской сходке, по случаю возвышения содержателем волховского питейного откупа на хлебное вино цен, что мы для себя и семейств своих почитаем разорительным, во избежание чего, и для распространения в нас и детях наших доброй нравственности, и чтобы мы были исправными во всех своих обязанностях, сделали между себя сию добровольную подписку, которою сим обязуемся: вино отныне впредь в питейных домах не пить и на вынос в свои дома, кроме каких-либо необходимых случаев, не покупать, зачем обязуемся друг за другом смотреть и о нарушителях сего, чрез выбранных нами старшин, доносить вотчинному начальству для поступления с таковыми как с вредными для нашего общества, а именно: ослушников штрафовать в пользу приходской нашей церкви 10 руб. сер. за каждое взятое ведро и 5 руб. сер., если кто выпьет в питейном доме, а при

безденежье наказывать розгами, согласно общему приговору старшин; в случае же, если откроется какая надобность купить вина, то испросить всякий раз на то разрешение избранных нами старшин и брать в количестве, ими дозволенном; разрешение одного старшины не есть действительное; необходимо общее дозволение всех старшин в присутствии вотчинной конторы, где имеется книга для записывания всякого приговора старшин. Старшина, имеющий надобность купить вино, обязан испросить разрешение мира и брать в количестве, определяемом мирским приговором. Все эти признанные нами условия для утверждения меж нами доброй нравственности обязательны и для всех посторонних, живущих в нашем селе. Подлинная подписана всеми крестьянами, бывшими на сходке.

При чтении этого приговора нетрудно видеть, как фразы в нем перемешаны с делом, добрая нравственность приплетена к дороговизне и пр. Но сущность дела остается та же: крестьяне отказываются покупать хлебное

вино... Какая бы ни была причина этого, факт имеет важное значение в том отношении, что доказывает способность народа к противодействию незаконным притеснениям и к единодушию в действиях. Приятнее, конечно, было бы, если бы мужики наши побуждены были к отречению от водки не внешним обстоятельством – бессовестностью откупа, а внутренним, нравственным сознанием. Но внезапные нравственные перерождения бывают только в раздирательных романах, и от русского мужика, живущего в действительности, а не в мечте, неестественно было бы требовать такой нелепости. Ни с того ни с сего не мог он вдруг переменить свои наклонности. А тут дело происходило очень просто: мужик любил выпить, но не до такой крайней степени, как уверяли многие; прежде он покупал вино потому, что хотя оно и было дорогонько, но все еще можно было выносить; а тут вдруг поднялась цена до того безобразная, что мужик махнул рукой да и сказал себе: «Нет, лучше не стану пить; дорога больно, окаянная». Сказал да и сделал – не стал пить; потому что он – не то что мы, образованные господа, – не

станет тратить слов по-пустому.

Мы убеждены, что газетные известия не сообщили и четвертой доли всего числа обществ трезвости, образовавшихся у крестьян. Но и по тому, что обнародовано, можно насчитать уже сотни тысяч крестьян, отказавшихся от водки. У нас очень плохо следят за судьбою этих обществ и большею частью, известивши об их образовании, не заботятся более о сообщении известий, как *исполняются зарюки*, данные крестьянами. Поэтому только о западных губерниях мы имеем сведения, продолжающиеся спустя уже довольно значительное время после первых проявлений трезвости. В великорусских губерниях почти все известия относятся только к первому образованию обществ, почему и до сих пор еще нередко можно услышать в обществе мнение, что все это движение *непродолжительно и непрочно*. Разумеется, оно и не должно быть слишком продолжительно; этого даже и желать не нужно: будучи порождено дикими отношениями откупа к народу, оно должно прекратиться вместе с уничтожением этих отношений. И сами крестьяне не дают *вечных за-*

роков: большею частью уговариваются не пить в течение года, а в некоторых местах – до осени, до весны, иные – на неопределенное время. Мы считаем нелишним представить здесь подробный перечень всех местностей, о которых мы нашли в газетных известиях, что в них распространяется трезвость.

Началось движение в пользу трезвости в Ковенской губернии и оттуда разошлось по Виленской и Гродненской. Вскоре потом одновременно обнаружилось движение в пользу трезвости в Поволжье и в центральных замосковных губерниях. Вслед за известиями о трезвости в Зарайском уезде, Рязанской губернии, получены были сведения о распространении трезвости в губерниях: Тульской, Владимирской, Московской, Орловской и Калужской. С другой стороны, трезвость, принявшаяся в Балашовском уезде, Саратовской губернии, распространилась вверх по Волге, в разных местностях Самарской, Рязанской, Нижегородской, Костромской, Ярославской и Тверской губерний. Несколько позже получены известия об образовании обществ трезвости в четвертом краю России, в губерниях

Харьковской, Курской, Воронежской. Таким образом, в настоящее время трезвость завладела многими пунктами, и можно думать, что ее распространение пойдет теперь еще быстрее, чем шло до сих пор (предполагая, разумеется, что она не встретит каких-нибудь особенных препятствий).

О трех западных губерниях, показавших первый пример трезвости, есть сведения довольно положительные. В феврале месяце писали из Ковно в «Slowie»: «Едва лишь несколько месяцев прошло с тех пор, как перестали употреблять водку, а благие плоды этой счастливой перемены в народе уже чувствуются самым осязательным образом: цена жизненных продовольствии понизилась значительно, нищенство стало гораздо меньше, казенные повинности уплачиваются исправнее, население нашей губернии находится в самом вожделенном здоровье. Замечательно, что в течение этого времени у нас не появилось ни одной общей болезни, которая прежде бывала обыкновенного гостьею нашею в эту пору года, особенно при такой беспрестанно меняющейся, туманной, сырой по-

годе, какая стоит у нас» («Московские ведомости», № 42). Из этого известия, не представляющего определенных фактов, а говорящего общими местами, видно, однако же, что обет трезвости строго был соблюдаяем. Более положительные сведения представлены в письме г. Рудзского («Указатель политико-экономический», № 8, 22 февраля), который рассказывает о том, какую борьбу и как твердо выдерживают крестьяне. Между прочим, очень характерен анекдот, рассказанный им об одном помещике Поневежского уезда. Помещик этот, переставший получать от корчмы последние гроши своих крестьян, вздумал зазвать к себе ксендза, успел как-то напоить его и пьяного вывел перед толпу, которую увещевал образумиться, представляя ей несостоятельность убеждений человека, склонившего их дать обет воздержания. «Надо отдать справедливость общественному мнению, — прибавляет г. Рудзский, — оно клеймило бесчестием имя человека, так грязно посягнувшего на общее благо».

О стараниях самого откупа соблазнить крестьян нечего и говорить. В половине февраля

писали, что откупщики в Виленской губернии ставили сначала восемь грошей за кварту вина вместо прежних четырнадцати; потом вино подешевело в шесть раз; наконец – перед корчмами выставляли иногда даже даровое вино... Ничто не помогало («Русский дневник», № 35). В конце того же месяца сообщались вот какие сведения из Жмуди:

В местечках в ярмарочное время расходилось, бывало, ведер до 40 водки, а теперь выходит ее едва несколько гарнцев (штофов). В уездном нашем городе (корреспондент не говорит – в каком) еженедельный расход водки доходил средним числом до 30 ведер; со времени же появления трезвости (кроме отпускаемого на войска, да еще кроме того, что потребляет люд разных вер) количество его уменьшилось до одной третьей доли. На больших дорогах около Ковно расход этого напитка тоже уменьшился, даже более, чем на две трети против прежнего; но и то, что потребляется, идет на прохожих солдат, на проезжающих обитателей Царства Польского, на пруссаков и т. д. («Московские ведомости», 3

В этом письме есть положительное свидетельство и о том, что на Жмуди, в течение четырех месяцев, трезвость нигде не была нарушена, – то есть целым обществом, частные же нарушения всегда наказывались общественным мнением. В письме г. Рудзского есть, между прочим, рассказ о том, как в одном местечке наказывали согрешившего крестьянина.

В м. Лукниках, Шавельского уезда, один государственный крестьянин, несмотря на произнесенный им обет, напился пьян; узнав об этом, все село подхватило изменника, невольника привычки, ему приклеили к спине вывеску: «пьяница» и, с барабаном впереди, обвели два раза кругом села. Не знаю, исправился ли опозоренный крестьянин, но дело в том, что этот случай наверно удержит других и, главное, служит доказательством прочности общего увлечения.

Относительно численного распространения братства трезвости г. Рудзский свидетель-

ствуует (от 12 февраля), что к братству этому пристала почти вся Ковенская губерния. Вот его слова («Указатель политико-экономический», стр. 178):

Успех братства был огромен: к концу минувшего года по всей губернии, за исключением части Ново-Александровского и Вилькомирского уездов, смежных с Виленскою губерниею, каждому священнику удалось причислить к своему братству всех почти прихожан своих. Потом газеты сообщили, что действия братства с успехом перешли в Виленский уезд из Вилькомирского; если это известие справедливо, то в настоящее время по всей Ковенской губернии туземцы почти поголовно приступили к братству, действующему во имя просвещенной любви к человечеству.

Известие это оказалось вполне справедливым. В 22 № «Русского дневника» напечатано:

Общество трезвости уже стало распространяться в Виленской губернии — именно, в трех приходах Виленского уезда, где 800 прихожан исполняли

клятву не употреблять во всю жизнь крепких напитков. Они были поощрены к тому жителями Вилькомирского уезда.

Через три месяца после этого, в начале мая, мы находим о Вильне следующее известие:

Две трети губернии, и даже три четверти, пристали уже к обществу трезвости, и мы совершенно убеждены, что через месяц и девять десятых пристанут («Указатель политико-экономический», № 19).

Обет трезвости распространился здесь не только в одних селениях, но и в городах. Какие размеры приняли братства трезвости среди городских жителей, можно видеть из примера города Ошмян, о котором сообщено в «Русском дневнике» (№ 74), что из 1725 жителей городка 900 человек изъявили желание быть членами братства, лишь только был им представлен проект его.

Из Гродненской губернии еще в феврале писали, что братства трезвости распространились *по всей губернии* и что трудно уже бы-

ло тогда встретить пьяного в гродненских деревнях («Московские ведомости», № 42). Недавно читали мы известие, что в белостокском приходе из 4000 прихожан к обществу трезвости принадлежит 3000 («Экономический указатель», № 27).

Во всех трех губерниях считается до миллиона крестьян и мещан мужеского пола. Если половина их отказалась от водки, то и тут выйдет 500 000 человек... Но, по всем известиям, в обществах трезвости гораздо более половины населения. С этим совершенно сходятся и сведения о количестве вина, проданного и оплаченного акцизом в Ковенской губернии. Вот что напечатано в 96 № «Русского дневника» (8 мая):

С 1 января настоящего года оплачено 55 931,05 ведер вина и 1295 ведер спирта, тогда как в этот же период времени 1857 года было оплачено 169160,6 ведер и 2488 ведер спирта; а в 1858 году – 202 538,7 ведер вина и 806 ведер спирта. В периоде производства винокурения на заводах в 1858–1859 годах производилось оно только на 275 заводах; но в каждом из них пропорция выкурива-

лась вполовину, на некоторых и того меньше, чем могли эти заводы выкурить на самом деле. Притом, по признанию заводчиков, если курение ими и производилось, то главным образом с тою целью, чтобы добыть барды для корма скота, так как вследствие прошлогодних неурожаяев трав эти корма сильно подорожали. Из числа заводов, действовавших в прошлую зиму, 87 закрыты владельцами. В периоды винокурения 1856–57 и 1857–58 годов все заводы, в числе 362, действовали и выкуривали вино в полном определенном количестве. Свидетельств на право держать питейные заведения в 1857 году взято было 2207, а в 1858–2191, в нынешнем же году только 1899. Притом главным образом в этих заведениях продаются только пиво и мед. Винная продажа еще кое-как идет по городам, в местечках она слабее, но по деревням и селам совершенно прекратилась.

Цифры эти дают нам полную возможность судить о тех размерах, в которых действуют братства трезвости в Ковенской губернии, и

заставляют предполагать то же самое и в двух других, названных нами. К сожалению, о других местностях, где распространилась трезвость, не обнародовано сведений столь определенных, и потому мы принуждены ограничиться простым перечнем этих местностей.

По Западному краю трезвость обнаружилась еще в губерниях Подольской, Смоленской, Новгородской и Петербургской.

В *Подольской* губернии, в Литинском уезде, отказались от водки крестьяне графа Кушелева-Безбородко, в Багриновецком его имении, с деревнями Стасеевым и Савиным Майданами и селениями Дубовой и Кусиковцами. Это было в начале февраля («Русский дневник», № 66).

В *Смоленской* губернии, Вяземского уезда, согласились не пить вина крестьяне графини Рибопьер, в числе 2144 душ («Русский дневник», № 91).

В *Новгородской* губернии, Старорусского уезда, в Коростынской волости, крестьяне, в числе 6000, дали зарок не пить вина. В Новгороде также, по известиям, заметно опустели

питейные заведения. По слухам, затевались общества трезвости (в апреле) и в других местностях Новгородской губернии («Русский дневник», № 79).

Близ *Петербурга* дали зарок не пить водки крестьяне деревни Коломяги («Московские ведомости», № 68) и Новой Деревни («Русский дневник», № 66). В самом Петербурге дали зарок не пить вина плотничьи артели у *одного подрядчика* (имени и фамилии его не соблаговолил сообщить 27 № (14 июля) «Указателя политико-экономического», в котором помещено это известие...

В *Екатеринославской* губернии, Александровского уезда, крестьяне села Петровского, принадлежащего гр. Строгановой, перестали ходить в свой сельский шинок только потому, что он с Нового года взят у помещицы в аренду откупщиком-евреем. Когда надобно, крестьяне покупают водку из помещичьих шинков, верст за 15–20; а в петровском шинке, вместо прежних двух бочек вина ежемесячно, продается теперь не более 10 ведер, и то одним проезжим, хотя водка у еврея-откупщика недорога и хорошего качества («Рус-

ский дневник», № 44).

В Харьковской губернии, Старобельского уезда, отказались от водки крестьяне одной из волостей южного поселения этого уезда, состоящей из семи селений (так скромно объявляет об этом г. Михаил Гаршин в № 121 «Московских ведомостей»).

В Курской губернии, в Щигровском уезде, крестьяне Стакановской волости, видя неурядицу, происходящую всегда при попойках во время храмовых праздников и при хождении по селу с иконами, составили между собою любовный договор: не брать икон и не пить вино; а желающие помолиться могут собраться на первый день праздника, отслужить молебен в храме и принести посильное пожертвование, – что они и сделали, причем собрано приношений до 40 руб. в пользу церкви и 3 руб. сер. на уплату за служение молебна. Из двух священников один уклонился от исполнения желания прихожан, но младший исполнил просьбу их («Московские ведомости», № 123).

В мае месяце решились отказаться от водки крестьяне нескольких волостей в Корото-

яксом уезде, Воронежской губернии, в числе 20 000. Вот известие о них, помещенное в № 142 (17 июня) «Московских ведомостей»:

В мае месяце этого года в Коротоякском уезде, Воронежской губернии, государственные крестьяне волостей Апошенской, Давыдовской и Коротоякской, в числе с лишком 20 000 душ, дали клятву впредь не употреблять водки ни под каким предлогом. Смущенные этим обстоятельством, откупщики употребляли всевозможные меры, чтобы склонить народ к нетрезвой жизни, воспевая, как это приятно и полезно; но народ не внял пустым словам. Так, откупщики поставили жителям в селе Тресорукове несколько штофов хорошей водки даром; нашлись шалуны ребята, которые ее выпили, и то потому только, что даром, но поблагодарив за угощение, сказали, что покупать все-таки не будут, за тем и разошлись; потом откупщики задабривали значительных поселян, предлагали жертвы на храмы, и много-много было придумываемо ими средств, но народ решительно отверг все их искательства. И вот уже другой

месяц, как крестьяне свято и ненарушимо хранят обещание; пример их находит многих подражателей. В Острогужском уезде уже готовятся такие общества.

В том же месяце изъявили желание отстать от горячих напитков крестьяне *Воронежской* губернии, Бирюченского уезда, Старо-Ивановской вотчины помещицы Муравьевой, с народонаселением из малороссиян, в количестве 2169 душ мужеского пола («Московские ведомости», № 121).

В центральных губерниях распространение трезвости обнародовано из следующих местностей. В *Орловской* губернии:

1) Крестьяне села П – ва, с деревнями Кр – ною и Пог – вою, в Волховском уезде (полных названий деревень не рассудил сообщить г. К., приславший известие об этом в № 71 «Московских ведомостей»), видя чрезмерное возвышение цен на вино и дурное качество последнего, положили на мирской сходке – воздерживаться от употребления хлебного вина.

2) В Мценском уезде крестьяне села Алисова на Неручи (138 душ), принадлежащего г.

Скарятину, мирским приговором постановили – не пить вина по будням («Московские ведомости», № 75).

3) Елецкого уезда, в имении г. Вадковского, в селе Петровском и в деревнях Федоровой, Елизаветиной, Выселке, Лопуховке, Самохваловке, Сухоиной, Лялиной и Бродкове, 5 апреля в воскресенье, крестьяне и дворовые люди отказались от употребления водки, по совету помещика. То же сделало духовенство села Петровского, купцы и мещане, проживающие в имении г. Валковского отставные и бессрочно отпускные солдаты с солдатками («Русский дневник», № 92).

4) В тот же самый день, 5 апреля, отказались от водки крестьяне сельца Аленое, Волховского уезда, «видя чрезвычайное возвышение цен на вино содержанием болховского питейного откупа и дурное его качество, вредное для здоровья» («Московские ведомости», № 90).

5) В Карачевском уезде, в селе Касилове, деревне Кульчеве, в селе Ново-Никольском, Алымове тож, и в деревне Фролове, принадлежащих г. Фролову, крестьяне и дворовые от-

казались от крепких напитков, не связав себя никакими штрафами и позорными наказаниями («Московские ведомости, № 153).

В *Тульской губернии* также во многих местностях образовались общества трезвости.

1) Каширского уезда, села Хотуши, крестьяне казенного ведомства постановили: брать водку из питейных заведений на дом в количестве, всякий раз определенном мирским приговором; слушников штрафовать 25 руб. за каждое ведро, а при безденежье наказывать телесно («Русский дневник», № 35).

2) В Чернском уезде, в селе Спешневе, принадлежащем кн. П. В. Долгорукову, крестьяне на сходке положили: «по причине дороговизны вина не пить его, и кто выпьет хоть чарку, тот платит миру 6 руб. сер.» («Русский дневник», № 52).

Жители самого города Черни и подгородных слобод: Козацкой, Стрелецкой и Пушкарской, условились между собою не пить вина и ни под каким видом не держать его дома. К этому обету приступили и ямщики («Русский дневник», № 92).

3) В Ефремовском уезде, в деревне Дороби-

не, принадлежащей графу Татищеву, в имениях гг. Тургенева, Левицкого, Крюкова, г-ж Свечиной и Власовой и в имении г. Скарятинна – Марьине – крестьяне дали зарок на год не пить вина («Московские ведомости», № 64). По другому известию, первый пример трезвости в Ефремовском уезде показало село Галица. Потом отказались от водки ефремовские ямщики, по призыву содержателя почтовой станции Я – ва. Затем перестали пить – Кадно, Законы, Старые Гальские Карчажки, Медовая Большая и *много-много других богатых и многолюдных сел.* Названия их, однако же, не заблагорассудил сообщить почтенный корреспондент, скрывший и свое собственное имя и подписавшийся под своим известием «Ефремовский житель» («Московские ведомости», № 94).

4) В Крапивинском уезде, в селах Коледине, Трасне и Лопоткове, крестьяне на сходке положили не пить вина («Московские ведомости», № 97).

В том же уезде, в Царевской вотчине, принадлежащей г-же Скарятиной, крестьяне еще в конце прошлого года решились не пить и

замечательным образом выдержали себя пред исправником. Вот вполне описание всего дела, как оно помещено в «Московских ведомостях» (№ 75):

Крестьяне Тульской губернии, Крапивинского уезда, Царевской вотчины, принадлежащей жене действительного статского советника Марье Павловне Скарятинной и заключающей в себе 1336 душ, в конце прошлого года на мирской сходке постановили не пить вина, исключая свадеб и храмовых праздников. Испуганный целовальник (в селе Цареве есть питейный дом) бросился к откупщику и объявил ему, что к царевскому питейному дому приставлен крестьянами караул. Откупщик жаловался на это исправнику. Исправник, вытребовав старосту означенного села и узнав от него, что никакого караула к питейному дому не приставлялось, а сделано крестьянами постановление не пить вина, спросил, внесены ли подушные и поставлены ли по дорогам тычки, и затем отпустил старосту, подтвердив ему, чтобы караул к питейному дому от-

нюдь ставить не смели. Тогда крестьяне, на вторичном мирском сходе, постановили: ни в каком случае, даже на свадьбы и в храмовые праздники, вина на дом не брать и вообще от употребления его отказаться. Исключение сделано для больных, и в этом случае берется вино с разрешения старшин; также для находящихся в дороге или на заработках на стороне, очевидно по невозможности иметь за ними надзор. Замечательнее всего, что крестьяне действовали в этом случае решительно по собственному побуждению: помещица, 2-жа Скарятина, живет постоянно в другом имении, и управляющего в это время в вотчине не было: он повез оброк к Новому году. Имение оброчное; тягло получает 10 тридцатых десятин пашни, с платою 3 руб. 30 коп. за десятину.

5) Новосильского уезда, в селе Моховом, принадлежащем г. Шатилову, крестьяне положили не пить хлебного вина до апреля 1860 года («Московские ведомости», № 128).

Сведения о распространении трезвости в Калужской губернии были помещены в «Ука-

зателе политико-экономическом», № 20. Приведем их здесь вполне:

Трезвость в Калужской губернии распространяется с замечательною быстротою, и дай бог дальнейших успехов доброму делу. По настоящее время трезвость установилась в следующих селениях: Тарусского уезда: в Сашкинском сельском обществе с деревнями Клишино, Жиливки, Черкасове, Жалично и Силиверстово, ведомства государственных имуществ, в имениях гг. Миллера и Дурново и при чугуноплавильном Бибарсовском заводе; Калужского: в селе Боброве – г. Головина (1200 душ м. п.), в деревнях: Жарок, Песочне, Семеновском, Гридневе, Фетинине, Маматове и Бобрехе – княгини Вяземской, в селе Дмитриевском – г. Кикшина, в деревнях Мужачи, Русине, Маслове, Филипповой – г-жи Фрейганг и в селе Желовиж – г. Скворцова; Медынского: в селе Карамышеве – князя Меншикова (1880 душ), во всех селениях князя Кочубея, подведомственных Кожуховской вотчинной конторе (510 душ), в селе Троицком – г. Сабанеева (642 души), в селе Кондрове –

2-жи Мещериновой (121 душа) и в сельце Михайловском – 22. Спафарьевых (60 душ); Масальского: в сельце Новоалександровском хуторе – малолетних 22. Нарышкиных; Малоярославецкого: в сельце Детчинове и в деревнях Кульневе и Желудовке – 2. Атрыганьева (248 душ), в деревнях Огубе, Кадниках, Рослякове, Величкове и Лыкове – княгини Голицыной (581 душа); Лихвинского: в селениях Князищеве – 2. Чернова, Говоренках – 2. Сухотина, Труфанове – 2. Плужникова, Титове – 2. Евдокимова, Аниковке – 2. Цемирова, Дупля – 2-жи Вишт, Плюскове – 2. фон Вернера и Ханине; Перемышльского: в помещичьих селениях: Крутых Верхах, Самойлове и Толстикове – князя Грестерова, Зябках – 2-жи Воронцовой, Кряменеве – князя Оболенского, Григоровском и Константиновском – 2-жи Чертковой, Матине – 2-жи Бенардаки, Покровском и Куровском – 2. Рихтера, Ридовке – 2. Коробкова; в селениях ведомства государственных имуществ: Зимницах, в деревнях Полянах, Хохловке, Слободке, Жашкове, Гордаковой, Алоповой (236 душ), Петровском, Погорельском, Кузь-

минках, Рожествине и Егорове, в селах – Варваренках (99 душ), Михайловском (136 душ) и Никольском (134 души). Сверх того, говорят, крестьяне села Грабцова – г. Чернова, в Калужском уезде, и сельца Локачева – г. Годейна, в Мединском, также отказались от употребления горячих напитков. Таким образом, трезвость существует в 52 помещичьих селениях и 21 казенном, всего в 73 селениях, находящихся в семи уездах. Калужского уезда в сельце Дмитриевском она установилась еще в ноябре прошлого года, Тарусского уезда в селе Сашкине с деревнями – на масленице нынешнего, во всех остальных селениях только недавно – в марте и апреле. Крестьяне означенных мест, кроме, сколько мне известно, Полянского сельского общества в Перемышльском уезде, словесно порешили не пить хлебного вина; Полянское же сельское общество составило письменные условия воздержания. В одних селениях крестьяне дали зарок не употреблять водки при крестном целовании, а в других – без соблюдения подобных обрядов. Но, так или иначе, усло-

вия воздержания везде соблюдаются строго.

Из всех этих селений в одном Карамышеве, с прилежащими к нему деревнями, потреблялось вина на 40 000 руб. сер. в год... Можно судить по этому, сколько трудовых копеек сберегается крестьянами по всей губернии от их зарока. В «Русском дневнике» извещали, между прочим, что «откупщик в отчаянии приезжал в Карамышево и предлагал пустить вино по 3 руб. сер., если мужики согласятся пить; но ему единодушно отвечали, что они нарушат обязательство только в таком случае, если откуп будет продавать вино повсюду по 1 руб. 50 коп.» («Русский дневник», № 92).

В Рязанской губернии, в Зарайском уезде, в самом начале нынешнего года образовалось одно из первых по времени обществ трезвости в великорусских губерниях. Первый пример подан был крестьянами казенного села Макеева (200 душ) и помещичьего – Кобыльска (150 душ).

В половине февраля извещали, что в южных уездах Рязанской губернии чрезвычайно

ослабело употребление водки («Московские ведомости», № 44). В конце марта г. Кошелев, помещик Рязанской губернии, писал, что общества трезвости существовали уже в уездах Зарайском, Данковском, Рижском, Сапожковском и других («Московские ведомости», № 99).

Были неопределительные известия об обществах трезвости и в *Тамбовской* губернии, в Кирсановском уезде (см. «Русский вестник», № 3).

Января 28 во *Владимирской* губернии, в Гороховецком уезде, «по случаю возвышения содержанием питейного откупа на хлебное вино цен, а также и для распространения в семействах доброй нравственности», отказались от водки крестьяне села Нижнего Ландеха, с 85 деревнями, в числе 5000 душ («Московские ведомости», № 49).

В *Московской* губернии трезвость начала распространяться в марте месяце. Первое общество образовалось в селе Говорове, Московского уезда, вотчины княгини Голицыной («Московские ведомости», № 80). В апреле крестьяне села Спасского и деревни Исоповой,

тоже Московского уезда, принадлежащих кн. Юсупову (86 душ), тоже дали зарок не пить вина на один год («Московские ведомости», № 139). Почти в то же время, но несколько ранее, общества трезвости образовались в трех вотчинах графа Панина – Марфинской, Киевской и Спасской, в числе 1018 душ («Московские ведомости», № 151).

Из прочих уездов Московской губернии даны зарок не пить вина: в Звенигородском, в деревне Ивашковой, графа Кушелева-Безбородко («Московские ведомости», № 97); в Подольском, в Рождественской вотчине кн. Голицыной, в числе 345 душ («Русский дневник», № 95), и в селах Тифонке и Дулове, с деревнями, принадлежащими кн. Юсупову и находящимися в Подольском (525 душ) и Серпуховском (189 душ) уездах («Московские ведомости», № 123).

В Серпуховском уезде, в селе Драчине, крестьяне тоже согласились было не пить водки; но откуп заплатил за них 85 рублей недоимки, чтоб только они пили, и крестьяне подались на это условие («Русский вестник», № 3).

В Поволжье трезвость пошла снизу – из Са-

ратова. В Сердобском уезде еще осенью прошлого года произошло было решение не пить, но было разрушено вышеупомянутою штукою откупа... В декабре состоялось решение не пить в селе Северке, Балашовского уезда, и примеру его последовали крестьяне и в других местностях («Московские ведомости», № 43). В феврале то же обещание дано было крестьянами села Турки («Русский дневник», № 42). В самом Балашове мещане дали обет трезвости, и их пример подействовал на множество артельных рабочих, приходящих в Балашов по весне для найма на барки («Русский дневник», № 75). Об этом случае корреспондент «Русского дневника» писал, между прочим, следующее:

К сожалению, нашлись люди, особенно в уезде, которые в решимости бедных, стремящихся к добру людей видят опасность, пугают отказывающихся от пьянства наказанием по закону (?) за то, что они не хотят пить вина, и даже громко жалуются на то, что мещане согласились отказаться от пьянства без испрошения на то позволения («Русский дневник», № 42).

Корреспондент в недоумении сам поставил знак вопроса, упомянув о *наказании по закону*. Но недоумение его напрасно. По крайней мере рьяные и красноречивые *защитники* крестьянского решения не пить водки защищали его, между прочим, вот как: «Общества трезвости не надобно запрещать и наказывать, потому что закон запрещает образование обществ только в *городе*, а мирские приговоры о трезвости составляются не в городах, а в селах» (см. «Русский вестник», № 4, стр. 241). Следовательно, по мнению фразистых защитников, так ловко умеющих опираться на законодательство, – что нужно было сделать с балашовскими мещанами? Что также нужно бы сделать и с жителями Саратова, между которыми, по известиям, открыта была частная подписка для желающих отказаться от употребления хлебного вина в течение 1859 года («Русский дневник», № 22)?

Обещание не пить вина дано также в Аткарском уезде, Саратовской губернии, – крестьянами села Дивовки, имения графа Сумарокова («Московские ведомости», № 69).

По поводу распространения трезвости в

Саратовской губернии мы нашли в одной из газет сведение, что сумма 482 200 руб. сер., предложенная за откуп в этой губернии на последних торгах, возвышена была до цифры 1 504 488 руб. («Московские ведомости», № 76).

Из Саратовской губернии трезвость прошла и в смежные уезды *Пензенской* – *Чембарский* и *Нижнеломовский* («Русский дневник», № 53).

В *Самарской* губернии об обществах трезвости извещали из двух уездов: *Николаевского*, где отказались от водки крестьяне селения Сулак, *Перекопиовской* волости («Русский дневник», № 95), и *Бузулукского*, где обет трезвости состоялся между крестьянами села Языкова, принадлежащего г. Шишкову («Русский дневник», № 103).

Из *Казани* были известия только в том смысле, что «и здесь мало покупают вина» («Русский дневник», № 42; «Московские ведомости», № 52).

Из *Нижегородской* губернии также были очень неопределительные известия. Вина здесь с Нового года покупают в кабаках гораздо менее («Русский дневник», № 66). В креще-

ные мужики, приехавшие на базар в Нижний, приценивались к водке, но не покупали ее («Русский дневник», № 20). В некоторых местностях губернии составляются общества трезвости («Русский дневник», № 48). Вот и все.

В *Костромской* губернии общество трезвости образовалось: в имении графа Гейдена, в селе Никольском на Упе, с деревнями («Русский дневник», № 66); в селах Ножкине и Коровье, подле Чухломы («Русский дневник», № 85); между помещичьими крестьянами двух приходов Галичского уезда (в числе 500 человек) и между крестьянами помещичьими и государственными (3500 человек), в шести приходах Чухломского уезда («Русский дневник», № 94); между крестьянами разных владельцев (344 человека) в Солигаличском уезде («Русский дневник», № 111); между рабочими на заводе купца Вакорина в Галиче («Московские ведомости», № 112).

Из *Ярославской* губернии было только одно известие – о мирском приговоре не пить вина, состоявшемся в селе Яне, Мологского уезда, принадлежащем г. Шилову («Московские ведомости», № 148). Кроме того, писали

из самого Ярославля, что крестьяне очень тихо провели там масленицу и запрос на полу-гар значительно уменьшился («Московские ведомости», № 52).

В *Тверской* губернии образовались общества трезвости в Старицком уезде, между крестьянами гр. Зубовой («Русский дневник», № 97), и в Корчевском уезде, в вотчине князя Вяземского («Московские ведомости», № 106).

Кроме исчисленных местностей, даже из *Перми* сообщали, что там «водка идет туго» («Русский дневник», № 54), и из Сибири писали с удовольствием о закрытии двух кабаков («Русский дневник», № 103) и с ужасом – о разнесшемся слухе, что там введена будет откупная система («Московские ведомости», № 41). Так далеко зашло стремление к трезвости при теперешнем состоянии откупных условий.

Мы старались собрать все сведения, опубликованные в газетах, относительно трезвости и расположить их по губерниям. Но, повторяем, мы убеждены, что в газетных заметках не сообщено и четвертой доли всего, что действительно происходит в народе. Мы же-

дали бы, чтоб наш свод известий, доселе напечатанных, о трезвости дал возможность людям, проживающим в разных местностях, дополнить этот перечень местными известиями. При этом особенно желательно, чтобы в них сообщалось всегда имя уезда, селения и количество душ, живущих в нем. Мы полагаем, что в этом-то деле, совершающемся так явно и спокойно самим народом, нет ни малейшей надобности в безыменной гласности, какую позволил себе, например г. N, объявивший в № 54 «Московских ведомостей», что в В – ской губернии, К – м уезде, два селения отказались от питья водки. Вообразите себе, что это за господин N, боящийся прописать сполна название губернии и уезда, где крестьяне пить перестали! По нашему мнению, этот г. N представляет замечательное явление *в настоящее время, когда*{18}, и пр.

Впрочем, мы никогда и не ожидали особенной храбрости от всех этих современных гомерчиков, собирающихся петъ разорение Трои, но не умеющих хорошенько выговорить даже имени своего Ахилла. Мы никогда не увлекались фразами обличителей, бросаю-

щих из-за угла мелкие камешки в какого-нибудь мальчишку, стащившего яблоко с лотка у торговца. Мы всегда были убеждены, что эти люди способны только к звонким фразам и заугольным выходкам против бессильных, но никак не могут выступить на поприще серьезной деятельности. Если бы весь наш народ был хоть вполовину таков, как эти господа, то нужно было бы безусловно согласиться с безотрадными, отчаянными выводами пессимистов. Но, к счастью, в народе, в коренном народе, нет и тени того, что преобладает в нашем цивилизованном обществе. В народной массе нашей есть дельность, серьезность, есть способность к жертвам. Пока мы с г. доктором В – ским подымали вопрос о трезвости и занимались писанием более или менее красноречивых статей, не отказываясь, однако же, ни от рюмки водки перед обедом и ни от одной из самых ничтожных наших привычек, народ, ничего не говоря, порешил не пить хлебного вина, так как оно стало по цене своей совершенно несообразно со средствами простолюдина... Скажем по совести: кто из нас год тому назад мог, хотя бы в пред-

положении, указать такое средство противодействия откупам? Мера, принятая крестьянами, так далека от наших цивилизованных и осторожных нравов, она так радикальна для златой середины нашего понимания, что мы даже в теории не могли ее придумать, даже другим не могли предложить ее... А уж кажется, чего легче предлагать другим самые неудобноисполнимые меры! И чего бы стоило, вместо всяких воззваний к посторонним силам о поправке дела, сказать: «народу нужно отказаться от хлебного вина, чтобы принудить откупщиков к уступке...» Да вот никто не сказал же! А народ сделал это самое, без всяких спросов, справок и глубокомысленных соображений.

Теперь г. доктор Вернадский уверяет, что эту решимость он утвердил в народе; другие говорят, что вообще литература произвела такое движение. Но – не говоря о г. докторе и статском советнике Вернадском – был ли хоть кто-нибудь из литераторов в своих творениях столько дерзок, чтобы дойти хоть только до сознания необходимости тех мер, которые народная сила осуществила на деле? Да, в этом

народе есть такая сила на добро, какой положительно нет в том развращенном и полупомешанном обществе, которое имеет претензию одного себя считать образованным и годным на что-нибудь дельное. Народные массы не умеют красно говорить; оттого они и не умеют и не любят останавливаться на слове и услаждаться его звуком, исчезающим в пространстве. Слово их никогда не праздно; оно говорится ими как призыв к делу, как условие предстоящей деятельности. Сотни тысяч народа в каких-нибудь пять-шесть месяцев, без всяких предварительных возбуждений и прокламаций, в разных концах обширного царства, отказались от водки, столь необходимой для рабочего человека в нашем климате! Эти же сотни тысяч откажутся от мяса, от пирога, от теплого угла, от единственного армячишка, от последнего гроша, если того потребует доброе дело, сознание в необходимости которого созреет в их душах. В этой-то способности приносить существенные жертвы раз сознанному и порешенному делу и заключается величие простой народной массы, величие, которого никогда не можем достичь мы,

со всею нашею отвлеченной образованностью и прививною гуманностью. Вот отчего все наши начинания, все попытки геройства и рыцарства, все претензии на нововведения и реформы в общественной деятельности бывают так жалки, мизерны и даже почти непристойны в сравнении с тем, что совершает сам народ и что можно назвать действительно народным делом.

Примечания

Впервые – *Совр.*, 1859, № 9, отд. III, с. 1–36, под названием «О распространении трезвости в России», подпись – «Н. Т – нов». Вошло в изд. 1862 г., с восстановлением цензурных изъятий.

О цензурных преследованиях своей статьи Добролюбов писал по крайней мере дважды; И. И. Бордюгову 5 сентября 1859 г.: «...обобрали на четвертую долю статейку, которую сочинил я, – о трезвости» (IX, 382), и более пространно А. П. Златовратскому 16 ноября 1859 г.: «Статья о трезвости ходила два месяца по цензурам и наконец пропущена, утратив заглавие («Народное дело») и третью долю текста – все, что говорилось об откупщиках и об отношении откупа к народу» (IX, 394). Цензура уловила в статье опасный для правительства призыв к «доброму делу». Распространение обществ трезвости, бойкот крестьянами, городскими низами откупной системы и более активные формы борьбы Добролюбов справедливо расценил как широкое социальное народное движение. По свиде-

тельству историка, Добролюбов «собрал большой материал о трезвенном движении, изучив все, что было тогда опубликовано по этому вопросу в газетах и журналах. Мастерски обходя цензуру, Добролюбов разоблачил махинации откупщиков и нарисовал яркую картину безотрадной жизни крестьянина...» (Федоров В. А. Крестьянское трезвенное движение 1858–1860 гг. – Революционная ситуация в России и 1859–1861 гг. М., 1962). Добролюбов одновременно разоблачает ложную версию, по которой, во главе трезвенного движения, особенно в западных губерниях, якобы стояло духовенство, отмечая инициативу самих масс, веря в «народное дело». Статья Добролюбова заключала ряд выступлений «Современника» по трезвенному движению. См., например, предшествующие статьи Н. Г. Чернышевского: «Откупная система» (1858, № 10), «Винный акциз» (1859, № 5), «Вредная добродетель» (Свисток, 1859, № 1). См. также рецензию Добролюбова на брошюру С. Шипова «О трезвости в России» в наст. т.

Сноски

1

Независимо от опыта (*лат.*). – *Ред.*

[^^^]

2

См. «Московские ведомости», №№ 135 и 150, известия с Троицкой ярмарки, в Иосифо-Волоколамском монастыре, и из Темникова.

[^^^]

Не позволяйте делать (*фр.*). – *Ред.*

[^^^]

[^^^]

Комментарии

1

Вероятно, имеется в виду статья Д. А. Хвольсона «Памятники древней вавилонской письменности» (*РВ*, 1859, март, кн. 1 и 2).

[^^^]

2

Речь идет о статье Ап. Григорьева «Несколько слов о законах и терминах органической критики» (*РСл.*, 1859, № 5).

[^^^]

3

Статье Ю. Савича «О неизбежности идеализма в материализме» (Атеней, 1859, № 7) Добролюбов посвятил специальную рецензию (*Совр.*, 1859, № 8; V, с. 177–190).

[^^^]

4

О художественной немотивированности образа Калиновича, героя романа А. Ф. Писемского «Тысяча душ» (1858), писали Н. Д. Ахшарумов (в кн. «Весна. Литературный сборник на 1859 год». СПб., 1859, – см. рецензию Добролюбова в наст. т.), М. Де-Пуле (*РБ*, 1859, кн. 14) и др.

[^^^]

5

Критикуя реакционный подход к проблемам воспитания, Добролюбов, в частности, имеет в виду Н. А. Миллера-Красовского и его книгу «Основные законы воспитания» (СПб., 1859). Слова, близкие к цитируемым из книги Миллера-Красовского, Добролюбов приводит в своей рецензии на нее (наст. т., с. 299).

[^^^]

6

Возможно, перефразировка слов Городничего из «Ревизора» Гоголя: «Эк куда метнул» (д. II, явл. 8).

[^^^]

7

Из басни Крылова «Ворона и лисица» (ок. 1808 г.).

[^^^]

8

Из «Повести временных лет».

[^^^]

9

Речь идет о Саратовской губернии, Балашовском уезде.

[^^^]

Цитата из статьи В. А. Кокорева «Об откупах на продажу вина» (*РВ*, 1858, июнь, кн. 1, Современная летопись, с. 26).

[^^^]

Речь идет о статье Чернышевского «Вредная добродетель», в которой использовано пародийное письмо «тихвинского купеческого сына Бадейкина». В нем, в частности, говорилось: «Неужели в самом деле образованные люди могут таких вещей не понимать, которые и нам известны, хоть мы на медные гроши учились? Какое же тут может быть обеднение государству, когда народ в уезде или в целой губернии перестает пить вино, от которого разорялся? Разве от бедности мужиков казна может богатеть?» (Свисток. Собрание литературных, журнальных и других заметок. М., 1981, с. 8).

[^^^]

12

Польская газета, издававшаяся в Петербурге в 1858–1859 гг. И. П. Огрызко.

[^^^]

13

В. А. Кокорев в декабре 1857 г. призывал откупщиков пожертвовать 10 миллионов руб. в пользу фонда для выкупа крестьян при проведении реформы.

[^^^]

14

Добролюбов называет известного в то время итальянского тенора, гастролировавшего в России, Г. Кальцоляри и экономиста Дебассини.

[^^^]

15

И. В. Вернадский – редактор еженедельника «Экономический указатель» (1857–1858; в 1859 г. выходил под названием:

«Указатель политико-экономический. Статистический и промышленный журнал». О Вернадском см. также в статье «Литературные мелочи прошлого года» и примеч. к ней (72, 73, 106, 138).

[^^^]

В «Русском вестнике» (апрель, кн. 1) был напечатан перевод речи «О трезвости» американского богослова и писателя У.-Э. Чаннинга. Ср. в «Дружеской переписке Москвы с Петербургом» (1860) Некрасова и Добролюбова:

*Там поражают пьянство,
Устами Чаннинга о трезвости
поют*

(VII, 432–433).

[^^^]

17

Теобальд *Мэтью* – ирландский католический священник, известный своими проповедями в защиту аскетических принципов религии.

[^^^]

18

См. примеч. 5 к статье «Литературные мелочи прошлого года».

[^^^]

[^^^]